

ДРУГИЕ ГОРОДА

Москва, 2017

УДК 7.06

ББК 71.05

Д76

Другие города [Текст] / составитель М. М. Юдкевич. — М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2017. — 480 с. — 2000 экз. — ISBN 978-5-7598-1720-8 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-1670-6 (e-book).

В книге собрано более 80 рассказов профессоров, преподавателей и сотрудников исследовательских подразделений Высшей школы экономики о городах России и мира, сыгравших важную роль в их академической жизни. В рассказе о каждом городе тесно переплетаются две экскурсии по городу — в том виде, в каком он представляется туристам, и по городу академическому с его университетами и школами.

УДК 7.06

ББК 71.05

ISBN 978-5-7598-1720-8 (в обл.)

ISBN 978-5-7598-1670-6 (e-book)

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2017

*Становятся помехою другие города,
Опять друзья разъехались неведомо куда,
Прости, не знаю имени, но это не беда —
Возьми меня, возьми меня в другие города!*

Ада Якушева

ПРЕДИСЛОВИЕ

Олег Воскобойников
и Мария Юдкевич

*Города, словно сны, выстроены из желаний и страхов,
хотя нить их речи неуловима, законы абсурдны, будущее
туманно и в каждом предмете таится нечто иное.*

Итало Кальвино. Незримые города

Университеты — один из древнейших и поэтому самых консервативных институтов в жизни европейской цивилизации. Издалека может показаться, что в них столетиями или по крайней мере десятилетиями ничего не меняется. При ближайшем рассмотрении оказывается, что жизнь в них кипит столь же бурно, как везде. Особенно сильно это чувствуется в такие знаковые моменты, как юбилеи. И тогда инстинктивно хочется ухватиться за ускользающее время, сделать синхронный исторический срез и передать его потомкам. Высшая школа экономики родилась в Москве двадцать пять лет назад, и такой юбилей в сравнении даже с относительно молодыми университетами России можно считать детским. Однако для молодого университета четверть века — уже история. То, что казалось основой основ двадцать лет назад, сегодня уже «эпос». И это героическое прошлое по-настоящему живо и формирует не только наше общее сегодня, но и завтра¹. Мы привыкли оглядываться назад и любим регулярно рассказывать городу и миру, откуда мы, куда идем и что ищем.

¹Нам 20 лет.
Юбилейный альбом
Высшей школы
экономики. М., 2012.

У Вышки никогда не было настоящего кампуса с кирпичными корпусами, лужайками для студентов и аллеями для размышляющей над своими предметами профессуры, музеем и другими важнейшими составляющими образа университета. Она «кочевала» и продолжает «кочевать» в городе, ставшем ее родиной, и в трех присоединившихся к столице крупных городах: Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и Перми. Может быть, поэтому связь с нашими городами мы ощущаем каким-то особым образом. Если Гарвард так же «далек» от приютившего его в XVII веке Кембриджа (Массачусетс), как Джонс Хопкинс от Балтимора или Йель от Нью-Хейвена; если британские Кембридж и Оксфорд — по сути, города-университеты; если, наконец, МГУ — это Воробьевы горы, то Вышка на протяжении всей своей пока недолгой истории интегрируется в Москву, вырастает в нее, стремясь стать неотъемлемой составляющей образа столицы, «фактом городской среды» и коллективной памяти.

Дело, конечно, в первую очередь не в зданиях, а в людях: мы соприкасаемся с миром города и впитываем в себя опыт миллионов людей, вовсе не только москвичей — и даже большей частью не москвичей. Возможно, поэтому Вышка принципиально космополитична и говорит на десятках языков. Мы — такая планета, где все друг друга понимают, где физик лиричен, а лирик не отворачивается от мироздания. Как известно, «не для школы, а для жизни мы учимся», но добавим к этому, что и учимся мы не только в школе, но и у самой жизни. В попытке зафиксировать еще один этап на нашем пути мы исходили из того, что настоящая История университета — это не библиографические списки, не рейтинги, не «тенденции развития» и даже не протоколы заседаний ученого совета, но в первую очередь история поколений людей, которые всю жизнь учатся и щедро делятся своими находками с окружающими. И это — живая история, повесть о настоящем человеке, которую писать увлекательно и поучительно не только для нас и не только отдавая дань ностальгии.

² Поколения ВШЭ. Учителя об учителях. М., 2013. Поколения ВШЭ. Ученики об учителях. М., 2013.

³ Первые рассказы этой книги выходили в «Географии Вышки» — приложении к бюллетеню «Окна роста» (okna.hse.ru/news/geo). Они вызвали большой интерес читателей как внутри Высшей школы экономики, так и за ее пределами.

⁴ Платон. Федр. 230d / Пер. А.Н. Егунова // Платон. Сочинения. Т. 2. М., 1970. С. 163.

Наши учителя рассказали нам о своих учителях, мы, «школяры», рассказали о наших наставниках². Новая книга тоже должна быть о людях³. В художественной литературе нетрудно найти примеры книг, которые вместе с вымышленными или реальными героями вводят читателей в историю городов тех эпох, о которых они говорят. Благодаря свободе, присущей словесности, пушкинский Петербург для нас такой же живой, как флорентинский Париж или Флоренция Боккаччо. Но нам не хотелось говорить собственно о себе. И наверное, поэтому лежащая перед читателем книга — о других городах. Здесь рассказывают об университетах, но не о нашем университете. Мы писали не автопортрет. Без малого три поколения вышкинских ученых, от первопроходцев до новобранцев, вспоминая здесь о городах, в которых они выросли, учились, работали; о городах, давших новый поворот их научной судьбе; о городах, в которых — как часто заканчивают свои очерки наши авторы — «я мог/могла бы жить». Мы исходили из того, что ученый имеет право не на одно, а на несколько «мест силы», и поэтому попросили коллег рассказать о том городе, который для каждого или каждой из них особенно важен. Почему город? Не страна, не лес густой, не реки и мосты? Очень просто. Федр в одноименном платоновском диалоге спрашивает Сократа, дивясь его чужеземной манере говорить, отчего же тот даже за городские стены не выходит, на что Сократ с присущей ему иронией отвечает: «Извини меня, добрый мой друг, я ведь любознателен, а местности и деревья ничему не хотят меня научить, не то что люди в городе»⁴.

Все мы в наших — других — городах чему-то учились, помногу и понемногу, кто две недели, кто десять лет, поэтому и рассказывать будем в первую очередь о людях, у которых учились, с которыми учились. Наши тексты — такие же разнообразные по стилю, как сами города четырех континентов (к сожалению, неохваченной осталась Антарктида). Здесь есть «схожие с бисером городки» и есть мегаполисы, размеры которых и москвичу внушают страх. Для кого-то его город — библиотеки и университетские аудитории, для кого-то — «место грусти, выи, склоненной в баре», сеть проспектов, улиц и переулков, транспортных развязок, воспоминаний; иногда — меланхолических раздумий о будущем, в котором уже нет места пережитому ими прошлому. Для кого-то город — артефакт, «исторический источник» и даже — почему бы и нет? — произведение искусства. Читатель, выбрав приглянувшийся ему континент, найдет и имена конкретных ученых, и названия лабораторий, и гласно-негласные правила академической этики, и «толпу музеев», и способ сэкономить на проезде, и прочие «особенности национальной рыбалки». Голоса наших авторов сохранены здесь в максимальном приближении к тому, как они звучат. Получился, наверное, многоголосый путеводитель по городам, давшим нам образование, и мы надеемся, что молодому читателю он поможет в ответственный момент сделать правильный выбор, читателю же старшего поколения даст повод сравнить свои города с нашими.

Наша книга открыта для новых авторов, и мы надеемся, что жители многих городов — шумных и тихих, просыпающихся по утрам от шума волн и окруженных горами; городов стекла и бетона и городов с резными палисадами, утопающих в зелени и солнце; столиц и городов, играющих в прятки с действительностью, — в будущем впишут в нее свои страницы. Кто-то сегодня начинает свое утро с прогулки по булыжной мостовой средневекового городка, кто-то лавирует в потоке машин на центральных авеню остекленных мегаполисов, под чьими-то ногами скрипят деревянные половицы. Все они очень разные — дороги, ведущие к университету.

ЧАСТЬ I

БЕРН

Даниил Цыганков

Когда в начале 2000-х я перебрался из Петербурга работать в ВШЭ, я начал развивать довольно новое для России направление — оценка программ и политик. Я регулярно расширял свои знания — для преподавания, для исследований, для консультирования госорганов. А Швейцария на тот момент представляла собой очень любопытный феномен, так как это первая страна, где оценка эффективности государственных политик, в широком смысле, была зафиксирована статьей Конституции (в 1999 году). При этом в Швейцарии людей с высшим образованием примерно 25-30% — не так много по сравнению с другими странами, но швейцарцы чаще других переучиваются. Для них нормально даже в 35-40 лет получить магистерскую степень. Году в 2005-м Бернский университет разработал и запустил программу дополнительного образования по оценке программ и политик, на которой преподавало много практиков и были свободные места на отдельные модули программы. В середине 2000-х Вышка как раз стала получать довольно значительную поддержку от правительства для переобучения, стажировок, трансфера знаний из зарубежных университетов. Первый раз я поехал на месяц в Берн по линии ИОП; потом было еще несколько поездок на пять-семь дней при поддержке фонда факультета ГМУ и Центра повышения квалификации, так что всего у меня есть сертификаты по четырем модулям этой программы.

Первым делом выяснилось, что до Берна нет прямых рейсов из Москвы. Нужно лететь прямым рейсом до Женевы или Цюриха, а затем ехать на поезде. Или же надо пересаживаться в Мюнхене на маленький винтокрылый самолетик до аэропорта Берн-Бельп. Там очень приятная, домашняя атмосфера, теплые взаимоотношения между работниками аэропорта и пассажирами. Возвращаясь в Россию в первый раз (был рейс рано утром), я, как обычно, приехал за два часа, и этот маленький аэропорт — громадный ангар посреди поля — оказался закрыт. Рейс был ранний, люди летели из Берна в Мюнхен на работу — для них самолет вроде нашей электрички. Мы уже готовились взлетать, как вдруг командир объявляет, что ему позвонил человек: он опаздывает на рейс, давайте подождем? И действительно, тот приехал в аэропорт за пять минут до вылета. Для Швейцарии характерна такая абсолютно крестьянская атмосфера. Люди часто встают в 5 часов утра. Еще сто лет назад надо было «доить корову», и эта привычка рано вставать осталась. Приемные часы в госорганах Швейцарии — с 7 до 11 утра. Поэтому, если тебе нужно туда по делам, приходится тоже вставать рано.

Швейцария — небольшая страна, и Берн находится в самом центре, так что я мог посетить все те города, которые мне были интересны, в том числе и с академической стороны. Например, я писал в СПбГУ диплом о философе Иване Ильине и поэтому решил доехать до пригорода Цюриха — Цолликона, где тот был похоронен в 1954 году. Писал диссертацию о Солженицыне — и доехал до кантона Аппенцель-Иннерроден, который описан в его очерках «Угодило зернышко промеж двух жерновов» (это — продолжение «Бодался теленок с дубом»). Но Берн оставался точкой притяжения, где я мог выполнить, так сказать, основную миссию этих поездок — добрать знаний, добрать исследовательского инструментария. Нам преподавали консультанты и швейцарские госслужащие, которые, в частности, создавали механизм оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов. Они рассказывали о том, как им удалось сделать такой скачок в царство свободы буквально за пять-семь лет. Все это потом пригодилось мне и в преподавании, и в обучении, и в проектах, которые я делал в Вышке.

На эту программу приезжали разные люди: и постарше, и помладше, кто-то — статусный чиновник или замглавврача, кто-то — фрилансер, юмористически относящийся к госслужбе. Их всех надо было как-то интегрировать. Среди наших преподавателей был коллега из Мюнхенского университета, и, чтобы всех перезнакомить, он поставил на доске точку, сказал: «Вот Берн», — и предложил нарисовать шкалу «кто откуда». Нужно было выйти из-за столов и расположиться по всей длине аудитории на этой шкале: получилась своего рода живая линейка. Там были слушатели из итальянских кантонов, из Лихтенштейна. Естественно, я из Первопрестольной оказался дальше всех. Позже я использовал этот прием в своих гостевых лекциях в санкт-петербургском филиале Вышки, для того чтобы разрушить у студентов стереотип профессора, вещающего *ex cathedra*.

В Швейцарии в академической среде люди достаточно быстро переходят на «ты», даже быстрее, чем в Москве. В Петербурге на это уходят годы; в Германии, где я учился до перехода в ВШЭ, тоже не так просто. А в Берне мне сразу предложили перейти на «ты», но мой немецкий коллега предупредил меня, что очень важно при этом не просто говорить «ты», а еще и добавлять имя: «ты, Хайнц», «ты, Гельмут». Просто «ты» — это моветон. Говоря «ты» и называя по имени, ты подчеркиваешь, что помнишь того, с кем говоришь. Я поразился: «Мы в течение дня со всеми перешли на «ты», как я всех запомню?» — «А вот зайди на сайт и выучи, как всех зовут. Ты же собираешься здесь целый месяц общаться?» И я действительно выучил.

Берн отличается от традиционных европейских столиц. Такой сонный, уютный городок, совсем непохожий на метрополию. Тому, кто хочет почувствовать пульс жизни, надо ехать в Цюрих или Женеву: в зависимости от того, кого он «предпочитает» — немецких протестантов или французских католиков. Когда смотришь на Берн сверху, с колокольни, на ум сразу приходит аналогия с «Городком в табакерке». Эти крыши с красной черепицей, аркады, проулки, рыночная площадь. Много кафе, в том числе напротив здания Федерального собрания — швейцарского парламента. Город был основан герцогом Бертольдом Церингеном в 1191 году. По местной легенде, он поклялся назвать город в честь первого животного, которое убьет на охоте. Отсюда и пошло название Берна: *Väg* по-немецки означает «медведь». Но затем, когда начал развиваться посад, наследники герцога повелели застраивать его таким образом, чтобы было много длинных улиц и мало площадей, так что народу негде было собираться и в случае восстаний легко можно было бы их подавить. Узкие улочки, которые может контролировать небольшое количество стражников, и никаких больших площадей, где могла бы собираться толпа. Благодаря этому мы сейчас имеем такой «городок в табакерке». Аркады позволяют даже в непогоду без зонтика передвигаться по историческому центру города, расположенному на полуострове в излучине реки Аре, от магазинчика к магазинчику, от одного кафе или небольшого музея к другому.

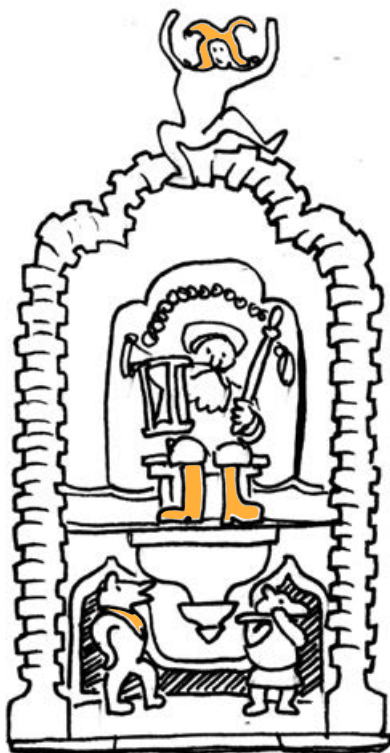
В остальном город, пожалуй, не сильно изменился с тех пор, как стал столицей конфедерации в 1848 году. Правда, в героическую эпоху Швейцарской Конфедерации, когда швейцарцы еще не были такими неторопливыми и важными, им приходилось отбиваться от бургундцев. В центре Берна стоит памятник Адриану фон Бубенбергу, у которого практически такая же история взаимоотношений с городом, как у Александра Невского с Господином Великим Новгородом. Фон Бубенберг был видной фигурой в бернском кантоне, но в какой-то момент Бернский совет большинством голосов запретил ему любую политическую деятельность, и он удалился в родовой замок. Но когда пришел войной бургундский герцог Карл Смелый, его снова призвали. И фон Бубенберг оборонял крепость Муртен, прикрывая Берн со стороны вторжения, пока кантон с союзниками собирал ополчение, и выдерживал осаду. 22 июня 1476 года Карл Бургундский потерпел поражение под Муртеном. У швейцарцев даже есть поговорка, что в первой битве Карл потерял добро (то есть обоз), во второй — мужество, а в третьей — жизнь (*Karl der Kühne verlor bei Grandson das Gut, bei Murten den Mut, bei Nancy das Blut*).

Главный вокзал Берна примыкает к бывшей крепости, остатки которой, в свою очередь, интегрированы в университетский комплекс. Поэтому мне было очень удобно идти от гостиницы сквозь вокзал, садиться на лифт, который поднимался на четыре этажа вверх и останавливался на уровне университета. Улица, которая идет мимо выхода из лифта к университету, носит имя Анны Тумаркиной — первого профессора-женщины Бернского университета. Швейцария в конце XIX — начале XX века была в академическом плане жуткой провинцией, поэтому люди, которые не могли получить профессорское звание у себя на родине, в том числе в Российской империи, ехали за этим в Швейцарию, и женщины тоже. Так что улочка Анны Тумаркиной отражает историю давних академических связей России и Швейцарии.

В 2008 году, когда я приехал в Берн во второй раз, там проходил чемпионат Европы по футболу. Голландия играла в отборочной группе в Берне, и приходилось ходить через толпы голландских болельщиков. Приехало больше десяти тысяч голландцев. Они все ходили в оранжевом, и весь город стал оранжевым. Было очень весело, полное впечатление карнавала. Слово «зажгли» я, наверное, в полной мере ощутил, глядя на голландцев, которые пели, танцевали и всех втягивали в свое веселье. Поразительно, что такое большое количество приехавших в таком маленьком городе смогли самоорганизоваться так, что там не произошло ничего криминального, при том что пиво лилось рекой. Бернцы были впечатлены: им очень понравился визит голландцев. Дальше с голландской сборной произошла хорошо у нас известная «трагедия». Голландцы переехали в Базель в статусе безусловного фаворита четвертьфинала, но там нарвались на более быструю, более молодую и «более голландскую» сборную России под руководством

Хиддинка. Я тоже поехал болеть за наших в Базель. Российских болельщиков приехало гораздо меньше, чем голландских, потому что никто не думал, что Россия вообще выйдет в четверть-финал. Швейцария тогда еще не была в шенгенской зоне, и множество российских фанатов, находившихся в Австрии на момент выхода России в плей-офф, физически не смогли приехать из-за отсутствия у них швейцарских виз. И оказалось много свободных билетов, которые РФС продавал прямо в Базеле. После матча я возвращался в Берн на поезде, где был чуть ли не единственным русским в майке с российской символикой, а кругом ехали одни голландцы, которые, конечно, были безумно расстроены, но тем не менее вели себя мирно, поздравляли меня с хорошей игрой Аршавина и Ко.

Если бы я снова оказался в Берне, я, может быть, снова зашел бы в российское посольство — к людям, которые в свое время содействовали переносу праха Ивана Александровича Ильина из Цолликона в некрополь Донского монастыря. Аташе по культуре рассказывал мне, что российское посольство очень грамотно подошло к аргументации. Поскольку Швейцария — это конфедерация с системой самоуправления, там не как у нас — звонить президенту бесполезно, все решает сама община. И выборные общины Цолликона не понимали сначала, почему надо эксгумировать прах Ильина и перевозить его в Москву. Могила на кладбище в Цолликоне с 1954 года, все нормально, место оплачено еще на много-много лет. И наше посольство подготовило письмо от МИДа с обращением от имени российского руководства, в котором говорилось, что Ильин очень важен для российской истории. И швейцарцев так поразило, что великая Россия обращается к общине напрямую, а не пытается оказать давление, что они пошли навстречу. Сейчас можно прийти в некрополь Донского монастыря и увидеть там могилы Деникина, Каппеля, Ильина. И для меня этот мемориал тоже ассоциируется с Берном, потому что наши бернские дипломаты помогли ему появиться.

Еще я бы, наверное, поиграл в шахматы на площади Бундесплац. Перед Федеральным дворцом, в котором располагается парламент, бьет фонтан в двадцать шесть струй (по числу кантонов). Струи бьют в определенной последовательности, и любимая забава подростков — бегать и уворачиваться от брызг. А люди постарше тут же неподалеку играют в большие уличные шахматы. Я там тоже один раз играл. Местный чемпион обыгрывал всех со страшной силой, и тут подошел я и напросился сыграть. У меня спросили, есть ли у меня деньги (кажется, ставка была двадцать швейцарских франков), я показал. Мне снисходительно уступили право играть белыми. И я разыграл с этим бернцем так называемый «северный гамбит», дебют, предполагающий, что в начале партии белые отдают много материала. Этот дебют был безумно популярен сто — сто двадцать лет назад, но сейчас его не играют, потому что теория показывает, что белые проигрывают, если черные играют грамотно. А вот если черными играет любитель, который не знает этой комбинации, он хватается и хватается пешки и остальные фигуры, и заканчивается все для него плохо. Все же я в школьные годы играл профессионально и потому выигрыш брать не стал. Короче, перефразируя известный рекламный слоган, можно сказать: «Заматовать короля в центре доски, напротив Федерального парламента Швейцарии — бесценно».

Свою экскурсию по Берну я бы начал с главного вокзала. Оттуда можно проехать на лифте и попасть в университетские здания, посмотреть библиотеку. Другой вариант — двинуться по полуострову, на котором расположен исторический центр Берна, и идти по аркадам вдоль остатков крепостных стен. Потом я бы обязательно прогулялся по мосту через Ару, по которому, согласно легенде, ходил Альберт Эйнштейн. Он ведь жил в Берне в тот период, когда обдумывал свою теорию относительности, как раз ходил на работу этой дорогой. И я этому не удивляюсь, ведь свежий бернский воздух необычайно вдохновляет: у меня самого родилось там несколько интересных идей, которые я позже развил в одной статье. Берн — лучшее место, чтобы обдумывать научные идеи.

Берн — это не тот город, в котором вы найдете безумное количество развлечений. Пожалуй, главная музейная достопримечательность — это открытый в 2005 году Центр Пауля Клее, известного художника первой половины XX века, родившегося в Берне. Центр расположен на востоке Берна, минут пятнадцать на трамвае от главного вокзала.

На берегу Ары есть большая яма, где живут медведи. Это место культовое. О нем еще Иван Тургенев вспоминал — как, будучи маленьким, чуть не свалился к медведям, отец поймал его за ногу и вытащил. К медведям все приходят обязательно, смотрят, и вроде даже разрешено кормить их какими-то морковками. В определенный момент им пробили проход к реке, чтобы они могли купаться. Очень милое зрелище.

Еще я бы посоветовал использовать Берн как опорный пункт для поездок по Швейцарии. Съездить в Межозерье (Интерлакен), забраться в горы. Промочить ноги в Женевском озере. Доехать до Люцерна, посмотреть те места, где Суворову пришлось развернуть войска, повторившие чудо-поход Ганнибала. Спуститься с горы Пилатус и махнуть в поезде с прозрачной крышей до итальянских кантонов, до Лугано. Хорошо бы найти два-три дня на поездку в такие небольшие городки, как Монтрё или Золотурн (еще один «городок в табакерке», но уже без всех этих федеральных ведомств).

Для Швейцарии характерно участие науки в оптимизации управленческих решений. Хотя собственно чиновников и немного, они часто делают ставку на академическое сообщество. Они публикуются, встречаются и читают друг другу доклады, переобучаются, сами кого-то учат. Швейцария в плане управления — страна победивших методик, подходов, прикладных знаний. Российскому правительству начиная с 2000 года предлагалась масса разнообразных отчетов, составленных экспертами. В лучшем случае они откладывались, в худшем демонстрировалось презрение к академическим кругам: у нас практики-чиновники противопоставляются академическим «псевдоэкспертам». В Швейцарии этого нет, они уже прошли это бессмысленное противопоставление, у них и те и другие постоянно учатся и переобучаются. Люди из академических кругов призываются на самый верх системы управления. Это чрезвычайно повышает эффективность применения любых принимаемых решений, хотя и увеличивает издержки обсуждения. Обсуждение происходит очень долго. Заседают консультативные советы, которые привели бы в бешенство российских чиновников. А швейцарцы по четыре-пять лет обсуждают проблему, но после того, как они договорятся, достигнут экспертного и политического консенсуса, решение применяется с минимальными издержками, так как с ним все согласны. И эффективность такого подхода очень высока. Это то, чему меня научил Берн: кооперироваться, слушать других, уважать чужое мнение, перебирать разные варианты и, только собрав и проанализировав все мнения, действовать сообща с большой эффективностью. Думаю, это не только бернская, но и швейцарская манера.

В мире есть несколько городов, где я мог бы жить. Может быть, благодаря тому, что помимо английского я свободно владею немецким, я мог бы жить в Берне или Берлине. В Берне я мог бы жить долго и постоянно, после того как совсем отошел бы от дел и — необходимо добавить! — если бы на это хватило денег.

БИРМИНГЕМ

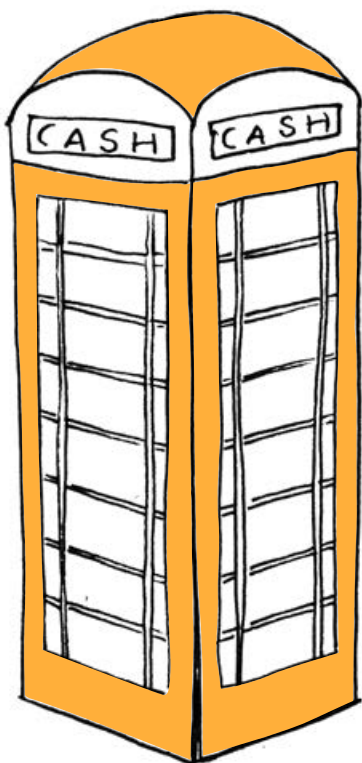
Михаил Комаров

В Университете Бирмингема я впервые оказался в 2010 году, когда в числе ста других студентов, аспирантов и магистрантов стал стипендиатом Президента РФ на обучение за рубежом. Я тогда оканчивал аспирантуру в МИЭМ и поехал туда по научным направлениям electrical engineering и computer science — так тогда это называлось в Англии. Президентская стипендия предполагает, что ты сам выбираешь страну и университет, куда хочешь поехать, и договариваешься, что тебя там примут. Почему я выбрал Великобританию, понятно. Я давно хотел побывать в этой стране, познакомиться с ней, считаю ее очень интересной. Кроме того, я очень люблю английские фильмы и сериалы, британских актеров, культуру вообще. К тому же еще совсем недавно Британская империя была огромной, самой большой в мире. Мне было интересно, как там живут люди, как устроено классическое британское образование.

Что касается выбора именно Бирмингема, то так сложилось. У меня было несколько предложений из британских университетов, то есть варианты были, но я остановился на Бирмингеме. Все-таки это второй по величине город в стране после Лондона. Там я и находился в 2010-2011 учебном году. За этот год я фактически написал свою кандидатскую диссертацию. Это получилось так быстро, потому что в Бирмингеме темп жизни совсем иной, чем в Москве. Там можно было вести спокойную жизнь, оторванную от забот. Поэтому мне удалось сконцентрироваться на диссертации. Там у меня появилась та академическая жизнь, которой мне прежде не хватало. Да и сама жизнь вне постоянных перегрузок, такая обычная классическая студенческая жизнь, возможность задуматься о собственном существовании — все это мне очень много дало. Еще Бирмингем мне запомнился надолго потому, что у меня там появилось и осталось много друзей из разных стран. К тому же это был мой самый первый опыт долгосрочного проживания отдельно от семьи, тем более в другой стране. Я очень повзрослел.

Университет Бирмингема интересен тем, что на его территории есть замечательная часовая башня. Если мне память не изменяет, их всего две таких в мире, причем в свое время она была одной из самых высоких европейских башен. Университет достаточно старый, он основан в 1900 году, это университет с традициями. Он является самым старым и самым престижным среди так называемых «краснокирпичных университетов» Великобритании, а в центральной части страны он самый крупный. В стране есть только четыре университета, выпускники которых получали Нобелевскую премию, и Бирмингемский университет один из них. Из университета вышло восемь нобелевских лауреатов, первый из которых — Ф. Астон, получивший Нобелевскую премию в области химии в 1922 году, а последние — П. Нерс, которому дали премию в области медицины и физиологии за 2001 год, и А. Баллок, член Межправительственной группы экспертов по изменению климата, награжденной Премией мира в 2007 году. Да и вообще из университета вышло очень много известных ученых, причем в самых разных областях науки. Сейчас университет очень успешен в области борьбы с раком и в ряде других направлений.

На территории университета работает Европейский исследовательский институт, который в свое время открывал Тони Блэр. Университет имеет старый классический кампус. Там много интересных с исторической точки зрения зданий. Я работал там в качестве research fellow под руководством замечательного человека, профессора Кристофера Бейбера. Как раз в то время, когда я приехал, мой научный руководитель стал руководителем Школы электротехники, электроники и вычислительной техники. Кристофер Бейбер до сих пор там работает. Он один из немногих лауреатов, которые являются обладателями медали по эргономике, да и в целом известен своими исследованиями в области человеко-машинного взаимодействия. Мне тогда эта тема была достаточно интересна и близка, поэтому я и попал в его лабораторию, которая называлась Лабораторией человеко-машинного взаимодействия. Надо сказать, это направление не было непосредственно связано с темой моей диссертации, посвященной беспроводной передаче данных. Но человеко-машинное взаимодействие — это тема, которая сегодня актуальна везде, поэтому с коллегами в рамках Лаборатории человеко-машинного взаимодействия я проводил некоторые исследования и эксперименты. Надо отметить, что я попал туда вместе с одним из бывших членов кадрового резерва Вышки, моим коллегой и другом Сергеем Ефремовым, который до сих пор работает у нас в Школе бизнес-информатики. Сергей получил стипендию от Университета Бирмингема и приехал туда на полгода.

Там я занимался также исследованием и разработкой систем позиционирования внутри помещений, и часть этого исследования была использована в моей диссертации. Опыт, полученный во время работы в этой лаборатории, был использован мной настолько, насколько это было возможно. Кроме того, за время нахождения там я еще проехал по всем ведущим университетам Англии. Я побывал в университетах Шеффилда, Оксфорда, Кембриджа, там я познакомился с теми специалистами, которые мне были интересны с точки зрения моих научных интересов, — с руководителями лабораторий в области передачи данных и сенсорных сетей. Я делал презентации своей диссертационной работы, узнавал их мнения, слушал их комментарии. В России любят говорить, что мы отстаем в тех или иных областях науки и технологий, и мне хотелось понять, действительно ли мы отстаем. И я выяснил, что не особенно-то мы и отставали в то время. Мои исследования были на том же уровне, что и исследования в этих университетах. Сознать это было очень приятно.

Конечно, академическая жизнь в Бирмингеме и других университетах существенно отличалась от того, к чему я привык в Москве. Обращало на себя внимание плотное и достаточно формальное взаимодействие научного руководителя с аспирантами. У научного руководителя есть обязательная еженедельная встреча с его аспирантами, на которой каждый из них рассказывает, что он сделал за истекшую неделю. В университете есть специальный документ — печатный формуляр, в который вносится информация о взаимодействии с руководителем, — и это мне было в новинку. Каждая встреча заканчивается заполнением и подписанием соответствующего формуляра. Он содержит краткое изложение содержания беседы руководителя со студентами: зачем встречались, о чем договорились, подписи руководителя и того студента или аспиранта, который с ним встречался. По окончании

какого-то периода времени проводится подсчет количества этих формуляров. Так это устроено, и мне такой формальный подход понравился — стимул для студентов. Ты всегда можешь взять себе копию, а сам оригинал остается в департаменте. Дальше все достаточно просто: если не хватает таких встреч, то есть аспирант не общался с руководителем, не обсуждал ход своей научной работы, он идет на отчисление. Соблюдение таких формальностей было для меня в новинку. Мне это показалось настолько полезным, что я пытался ввести для своих студентов что-то подобное, но, к сожалению, на уровне одного отдельно взятого преподавателя у нас такие вещи внедряются тяжело, тут скорее нужна инициатива со стороны руководства факультетов и университета. Студенты совсем не хотят такого формального подхода.

Еще на меня произвела впечатление оперативность при решении насущных проблем. Например, если мне требовалось что-то приобрести для работы в лаборатории, департамент делал это в течение двух дней. Обычно это была какая-то электроника или компоненты для проведения исследований. Обслуживание академических исследований у них осуществляется очень быстро и на высоком уровне. У нас, видимо, этот уровень будет достигнут не скоро.

Аспиранты, которые в это время работали над диссертациями, все в итоге защитились, но в разное время. Все зависит от человека, от его включенности в исследования. Британия отличается от многих европейских стран тем, что там образование в основном платное. Те аспиранты, которые там были, в основном получали финансовую поддержку из грантовых программ, то есть они обязаны были участвовать в определенных исследованиях. И пока они этих исследований не завершат, они могут работать над диссертацией, но защитить ее не смогут. У нас в этом смысле проще. У нас больше свободы в отношении участия в исследованиях, к тому же руководитель не может заставить аспирантов работать над теми исследованиями, проводить которые они не хотят. Однако и в нашем, и в британском подходах есть свои тонкости. Например, приходит аспирант к научному руководителю, и тот говорит ему, что конкретно надо делать, а он отказывается этим заниматься. У нас руководитель в таком случае может отказаться от аспиранта. А там, если аспирант скажет «не буду», значит, не будет — и все! Там аспирант не станет выполнять работу, если не видит в этом смысла. Ему нужно объяснить, почему надо ее делать. И он должен четко понимать, почему ему следует делать именно эту работу. Мне кажется, такой подход связан с тем, что у них платное образование. Я думаю, что и мы к этому придем.

Британская система отличается и от американской, причем кардинальным образом. В Европе вообще и в Великобритании в частности большее значение придают участию в конференциях, нежели публикациям в журналах. Это объясняют тем, что журналы быстро устаревают, а на конференциях новая информация дается достаточно оперативно. Поэтому у них нет требования «публикации в журналах», у них есть требование «участие в конференциях». Когда я туда ехал, одной из моих задач было приехать обратно с какой-то определенной публикацией по теме исследований. Собственно, та самая публикация и появилась на очень престижной конференции в США, куда потом полетели уже мои коллеги. Не важно, что конференция проходила не в Англии. Гораздо существеннее то, что это была ведущая конференция мирового уровня. А то, что за счет этого появилась еще одна публикация, — я считаю, действительно очень хорошо.

Кроме занятий в лаборатории я посещал различные лекции гостевых профессоров. Там был такой порядок, что я мог сам выбирать курсы или лекции, на которые хотел пойти. Я также общался с профессорами, поскольку имел возможность бывать в лабораториях, которые занимались смежными тематиками. Было очень интересно обсуждать с коллегами их видение будущих исследований, связанных с той или иной темой. Спустя годы интересно бывает видеть, как результаты нашего общения действительно превращаются в результаты исследований.

Я принимал участие в ряде исследований, которые проводились университетом. У них там есть интересные исследовательские группы, и я даже принимал участие в определенных тестах. Это интересно и с точки зрения этики. Когда в Бирмингемском университете проводятся исследования, их этика такова, что человеку, участвующему в экспериментах, обязательно заплатят за это деньги. Например, один мой эксперимент заключался в том, что я просто садился в автомобиль и описывал свои ощущения, но мне тем не менее все равно за это заплатили. Это был проект с «Роллс-Ройсом». Исследование было посвящено эргономике новых моделей автомобилей. И задача участника эксперимента состояла в том, что он просто садился в машину и описывал свои ощущения: удобно ему или нет, комфортно ли он чувствует себя в кабине или не очень и так далее. Участнику эксперимента предлагали вопросник, который надо было заполнить. Вообще-то участвовать в тестировании новой модели знаменитого автомобильного бренда, которая еще только выходит в производство, — это само по себе очень здорово. Тем не менее это оплачивалось. Но там были и другие достаточно интересные исследования, тоже оплачиваемые. И когда в исследовании принимают участие студенты, то для них тоже оформляются необходимые документы, и они получают плату за свою работу. Это происходит совершенно автоматически и воспринимается как должное. Понятно, что суммы небольшие — около 50 фунтов. Тем не менее это вполне серьезный стимул.

Теперь о технической базе лаборатории, где я работал. Если здесь, в России, мне кто-то чего-то необходимого для моих исследований не может дать, я стараюсь купить это сам. Там такого не происходит. Но вообще, побывав в Бирмингеме, я понял: представление о том, что мы в России очень сильно отстаем в отношении оснащенности техническим оборудованием, сильно преувеличено. По большинству направлений это отставание невелико, а в биомедицине и других подобных областях его и совсем нет. Я, вернувшись в Россию, говорил об этом на встрече с Президентом РФ, ведь программа, по которой я приехал в Бирмингем, была президентская. На этой встрече я сказал, что лабораторный уровень в Великобритании не сильно отличается от того, что есть у нас. Да, в 1990-е годы мы сильно отставали, но в 2000-е все уже стало совершенно по-другому. И это не только мое впечатление: в Англии я встречал наших отечественных исследователей — специалистов по биомедицине, ведущих ученых из академгородка в Пущине, которые говорили то же самое. Они говорили, что лаборатории в России совершенно ничем не отличаются от лабораторий, в которых они работают в Англии.

Конечно, в таком крупном университете, как Бирмингемский, есть студенты, аспиранты и молодые ученые из самых разных стран. Я работал рядом с молодым человеком из Мексики, была девушка из Малайзии, остальные были британцы, но аспирантов там вообще очень немного. Приезжали несколько девушек из Франции. Британцы преобладают среди студентов бакалавриата, а вот в магистратуре достаточно много иностранцев, в том числе, естественно, из Китая. Впрочем, и магистров не очень много, потому что не все хотят продолжать свое образование. Основное в Бирмингемском университете — это бакалавриат, но и магистратуру они пытаются развивать. Зато у них огромное количество исследовательских лабораторий. Это чисто исследовательские группы, и туда, конечно, приезжают иностранцы. Но не для того, чтобы последовательно пройти бакалавриат — магистратуру — аспирантуру. Чаще всего они приезжают в научно-исследовательскую лабораторию напрямую с вполне конкретной целью или по гранту. Как я, например.

Еще одна особенность Бирмингемского университета, которая придает ему особую привлекательность, состоит в том, что на территории университета находится одна из известнейших художественных галерей. Там есть картины Ван Гога и других знаменитых художников. Эта коллекция собиралась в течение довольно длительного времени, а основана галерея была в 1939 году королевой Мэри. Кроме того, поскольку Бирмингемский университет — один из самых известных университетов Великобритании, вполне естественно, что самые знаменитые люди были его жертвователями. Огромное количество работ, которые там находятся, выставляются в этой

галерею просто по договоренности с владельцами. Эта галерея по-своему уникальна — я не знаю других университетов, на территории которых было бы что-нибудь подобное: это одновременно и институт изобразительных искусств, и художественная галерея. Я часто бывал в ней. Кстати, там можно увидеть много работ, которые пожертвованы выпускниками университета.

Интересно, что на территории университета есть несколько баров и ресторанов, куда по вечерам в конце рабочей недели приходит весь штат сотрудников. У них существует достаточно традиционная практика: по пятницам там собираются профессора, пьют пиво и общаются на научные и околонучные темы. Туда приходят и студенты. В общем, все это очень живое и вполне себе нормальное общение и отдых. Однако в будние дни студенты обедают отдельно от профессоров, у них есть отдельный зал.

В университете одна из самых современных библиотек. Честно говоря, я тогда не исследовал библиотеки в других европейских университетах, но в то время библиотека Бирмингемского университета произвела на меня очень большое впечатление. Там очень комфортные условия для работы, полностью электронная система поиска материалов, быстрый доступ к литературе, все возможности для сканирования нужных материалов.

Большим преимуществом жизни и работы в Бирмингеме для меня было то, что не приходилось тратить много времени, чтобы доехать до работы или учебы, как это обычно происходит в Москве. Жил я в Международном студенческом доме (Wesley International House) — это старинное здание XVIII-XIX веков, которое поддерживается церковью. Мое жилье находилось всего в 10 минутах ходьбы от лаборатории, что для меня было непривычно с точки зрения планирования времени. Мне нужно было всего лишь полчаса, чтобы проснуться, встать, позавтракать и дойти до лаборатории. Поэтому казалось, что у меня есть огромное количество времени для всех дел и занятий. Вообще там, в Бирмингеме, у меня был совершенно другой опыт проживания, совершенно другие эмоции, впечатления и знакомства. Еще на территории кампуса есть очень хороший спортивный центр, огромное число бесплатных спортивных секций. Хочешь попробовать себя в том или ином виде спорта — пробуй. Возможности все есть. Вообще мне кажется, что такие удобства, доступность всего — это характерная черта кампусной системы. К тому же университет дает возможность посмотреть Великобританию. Организуется много различных экскурсий. Я не помню, были ли они платными для англичан, но для иностранцев они почти бесплатные. Я объездил почти всю Англию: Стратфорд-на-Эйвоне, Йорк, Оксфорд, Манчестер и множество других мест. И все это организовал университет.

Еще мне очень понравилось, что там есть бесплатные курсы английского языка для иностранцев. Конечно, я их посещал, и это было очень полезно. Занятия проходили во время обеденного перерыва — это примерно полтора часа времени, и кто хотел, ходил на эти занятия. Мне было интересно заниматься на этих курсах. В общем, организовано все было очень хорошо, а потому много удавалось сделать.

Вообще Бирмингем — это крупнейший студенческий город Великобритании, а может, и один из крупнейших в Европе. В городе находится три крупных университета, в которых учатся порядка 150 000 человек. Ну и, естественно, это промышленный город. В Бирмингеме в свое время располагался известный оружейный завод. Из крупных промышленных предприятий теперь там работает шоколадная фабрика «Кэдбери». В городе находится крупнейший британский торговый центр «Булл Ринг» (Bull Ring). Если говорить об архитектуре, то я бы не сказал, что там есть что-либо выдающееся. Там довольно много старых зданий, есть центральная площадь с мэрией, типичная для английских городов. Есть несколько памятников, посвященных Второй мировой войне, поскольку много зданий в городе пострадало от бомбежек — там же работал оружейный завод, так что его сильно бомбили. А соседний город Ковентри был вообще полностью разрушен. Это не самый привлекательный для туристов город Великобритании, но тем не менее определенный интерес он, несомненно, представляет. В Британии почти везде есть угольные каналы, которые в свое время были построены для переправки угля. Есть сеть каналов и в Бирмингеме, они сохранились и поддерживаются, сейчас

они в очень хорошем состоянии. Я бы не сказал, что это какое-то экстраординарное зрелище, но покататься по узким каналам в плоскодонных лодках довольно любопытно. Отмечу еще один важный момент: когда я говорю про Бирмингем, я говорю про сам город, хотя многие связывают Бирмингем с его окрестностями. Там очень много маленьких деревушек, которые формально входят в метрополию Бирмингема. Бирмингем — это центр региона Уэст-Мидлендс.

Совсем недавно там открылось новое здание центральной библиотеки. Оно выглядит достаточно современно, в нем есть смотровая площадка. Бирмингем — это город, связанный с футболом, как и многие другие британские города: это домашний город футбольной команды «Астон Вилла» — там есть стадион этой команды и есть Университет Астон. Но университет назван, конечно, не в честь футбольного клуба, а потому, что был такой замечательный архитектор по фамилии Астон. Бирмингем славится своим диалектом. После того как я провел в Бирмингеме год, мне говорили, что у меня тоже появился бирмингемский акцент.

Но, как и все другие студенческие города, Бирмингем подвержен влиянию многих культур. Там достаточно большая китайская диаспора, много арабских кварталов. Помню, как-то я ехал в аэропорт и выглядывал в окно — и на минуту мне показалось, что я нахожусь не в Англии, а совершенно в другой стране. Кругом были босые дети, все надписи — на арабском языке, повсеместно шла стихийная торговля фруктами. И я спросил водителя, где мы, собственно, едем. Он ответил, что мы едем по Бирмингему. В городе есть несколько театров, замечательные парки. Отмечу, что парки в Британии — это, пожалуй, одни из лучших парков в мире, в которых я был, потому что они устроены в полном соответствии с принципом «все для людей». В общем, город очень разнообразный, интересный. В нем стоит побывать.

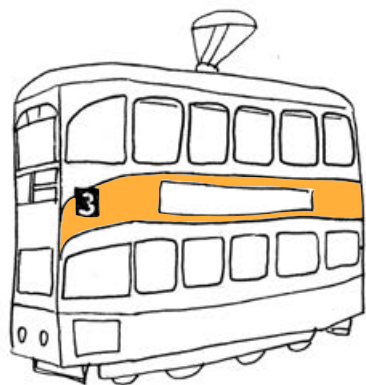

ГЛАЗГО

Елена Рогова

Я была в Глазго в 1994 году. Это была моя первая поездка за границу с научными целями. В то время реализовывалась программа TEMPUS по созданию в России магистерских программ. В рамках этой программы был объявлен большой конкурс среди вузов на поездку на стажировку. Я тогда была аспиранткой в Финансово-экономическом университете. Нам предложили подать документы на конкурс. Можно было поехать в Глазго, Йену и Гренобль, но так как единственным языком, который я хорошо знала, был английский и я всегда увлекалась Шотландией, ее культурой и историей, то я выбрала Глазго. Подала документы на конкурс и выиграла. Мне пришлось сдать экзамен TOEFL. Я получила сертификат и после этого поехала в Глазго. Я оказалась на стажировке в бизнес-школе Университета Стрэтклайда. Процесс моего обучения там был построен следующим образом. Во-первых, у меня был там руководитель, который являлся координатором программы TEMPUS и с которым мы обсуждали и план моего обучения, и отчет. Во-вторых, я должна была посещать занятия, а в конце — написать отчет о том, что я делала. За триместр обучения мне надо было набрать 20 кредитов для того, чтобы получить зачет. Я посещала курсы, в основном посвященные темам, близким теме моей диссертации, — финансы и инвестиции. Занятия начинались в 9 часов и заканчивались в 16. Очень интересными были сами занятия. На них было много дискуссий, разборов кейсов. Очень многое из этого я потом использовала в своей жизни. Причем занятия компоновались так, что длительных перерывов между ними не было, хотя проходили они в разных зданиях кампуса. Если перерывы все-таки случались, я шла либо в бассейн, где у меня был льготный бесплатный абонемент, либо в библиотеку, либо в кампус, где у меня был офис. Хотя я делила его с двумя китайскими аспирантками, тем не менее могла там спокойно заниматься. После занятий шла в библиотеку. Тогда еще не было интернета, поэтому в библиотеке мы проводили довольно много времени — копировали статьи, делали записи. Потом, в 18-19 часов, я шла из университета домой.

Мою поездку финансировал Евросоюз, но так получилось, что все деньги я получила фактически в последний день пребывания в Глазго, то есть три месяца я прожила практически без денег, поэтому вынужденно пользовалась всеми благами бесплатной инфраструктуры Глазго. Надо сказать, что в этом плане Глазго прекрасный город. В частности, там все городские музеи бесплатные, что было большим подспорьем. Кроме того, меня приглашали куда-то коллеги из бизнес-школы, знавшие о моем незавидном финансовом положении и интересовавшиеся Россией, — либо на обед, либо на экскурсию, либо на автомобильную прогулку. В воскресенье, как правило, я ходила в какой-нибудь музей или просто гуляла по городу. У меня, несмотря на приличный английский, было достаточно много языковых проблем. Производит неизгладимое впечатление шотландский акцент. Сначала ты практически ничего не понимаешь из того, что они говорят. Потом просто к нему привыкаешь.

В нашей стране — по крайней мере там, где я училась в аспирантуре, — особой академической жизни не было. В 1990-е годы ощущалась некоторая растерянность при мысли о том, что будет дальше, как дальше будут развиваться наука и образование. Все скорее стремились как-то зарабатывать деньги на жизнь. У нас были очень интересные курсы, были редкие выступления хороших ученых, кафедральные семинары, конференции, но все это происходило от случая к случаю. Я работала во время учебы в аспирантуре, потому что иначе просто невозможно было обеспечить себе нормальное существование. Когда я попала в Глазго, я поняла, что такое настоящая академическая жизнь. Там что-то постоянно происходило, постоянно шли какие-то семинары, проходили живые дискуссии. Студенты все время устраивали разные интересные мероприятия. Конечно, больше всего меня потрясла библиотека. Понятно, что с тех пор я побывала во многих местах, видела самые разные библиотеки, но тогда, когда я попала в библиотеку Стрэтклайда, она произвела на меня большое впечатление. Там можно было копировать все, что важно, ведь у нас в то время никаких ксероксов не было. Там я нашла много очень полезных материалов для своего исследования. Я серьезно продвинулась в своей работе над диссертацией, хотя еще за три месяца до поездки думала, что двигаться уже некуда. Там у меня появились значимые научные контакты, которые мне потом пригодились.

Я вновь оказалась в Глазго в 2011 году на конференции в том же университете. Конечно, большинство из тех людей, с которыми я общалась там, уже в этом университете не работают в силу академической мобильности, но привязанность к этому месту у меня сохранилась. Приятно просто пройтись по аллеям и лужайкам кампуса, посмотреть на современные скульптуры, посетить местный стадион.

Вышка — международный университет, у нас достаточно много зарубежных преподавателей. Но в Стрэтклайде даже в 1990-е годы среда была абсолютно международной. Было много людей из разных стран, много разных языков и акцентов. Хотя наши занятия проходили на английском языке, но преподаватели были из Испании, Италии, Латинской Америки, Бельгии и др. В общем-то, преподавателей-британцев практически и не было. Состав студентов тоже был абсолютно интернациональным. Были студенты из Китая, Индии, Украины, Казахстана, Колумбии и других стран. Однако я оказалась единственной россиянкой. Причем это был 1994 год. Тогда не было еще ни Шенгена, ни Евросоюза в таком формате, в котором он существует сейчас. Тем не менее было ощущение, что это единая Европа, — и это было здорово. Эта интернациональная атмосфера накладывала отпечаток на преподавание, потому что дискуссии, которые проводились на занятиях, имели сравнительный характер. Так, например, если мы изучаем банкротство, то тут же все начинают активно обсуждать то, как обстоят дела с банкротством в разных странах. Занятия проходят достаточно интенсивно. Сначала читается часовая лекция, а потом сразу же проходит часовой семинар, то есть эти формы занятий не отделены одна от другой промежутком времени, как у нас. Мне было немного трудно в этом плане, потому что я привыкла к другому способу подачи материала. Но хорошо, что к преподавателям всегда можно было подойти и после занятий задать любой вопрос.

Я — человек, воспитанный на классической британской литературе. Я много читала про Шотландию, мне нравится творчество Роберта Бёрнса, Вальтера Скотта, Роберта Стивенсона, Арчибальда Кронина. Поэтому я, собственно, и захотела поехать именно туда. И мне казалось, что когда я приеду в Шотландию, то увижу нечто угрюмое, серое, мрачное. Когда же я там оказалась, то ничего мрачного не увидела. Мне даже, вероятно, и с погодой повезло — в основном было достаточно солнечно, несмотря на то что это север Великобритании: в ноябре и декабре цвели розы, а снег выпал только однажды, в день моего отъезда. Кроме этого, люди в большинстве своем оказались очень открытыми, дружелюбными, причем это касалось не только людей из университета, но и тех людей, с которыми приходилось общаться в магазинах, музеях, на улице. Они очень охотно со мной говорили, помогали мне, старались не просто формально меня «отбаярить», а действительно решить мою проблему.

Одна чудесная история произошла со мной в общежитии. Там в основном жили аспиранты и люди, которые приезжали по обмену, вроде меня или гостевых преподавателей. Условия были достаточно спартанскими, удобства на этаже, но у каждого своя комнатка, а вот кухни — общие. У меня было очень мало денег, поэтому я покупала только молоко, йогурт, мюсли — и все. В университете мне еще давали талончики на обед. Так вот, однажды я обнаружила, что у меня стали пропадать продукты из холодильника. В итоге, поскольку денег у меня не было, я просто написала записку о том, что я — аспирантка из России и у меня нет денег на то, чтобы постоянно угощать соседей. И через некоторое время продукты перестали пропадать, а я нашла у себя на полке упаковку шотландского печенья и записку с извинениями. Это было очень трогательно.

В Шотландии я была не только в Глазго. В университете надо мной взяли шефство, и благодаря этому меня приглашали на обед, ужин или в гости. Поэтому я побывала в разных уголках этой страны, была и в горах, и на побережье. Вообще, это была моя первая по-настоящему заграничная поездка. До этого я была в Праге в конце 1980-х и в Берлине в начале 1990-х в составе студенческих групп. Это были все-таки еще постсоциалистические города. По контрасту с ними Глазго и Шотландия в целом произвели на меня совершенно неизгладимое впечатление. Я была абсолютно одна, и устроено все было по-другому. Там чувствовался тот дух свободы, который я нигде ранее не ощущала.

Глазго, конечно, менялся. В 1994 году там было несколько заброшенных кварталов, из которых ушли люди: стены домов в них были сплошь покрыты граффити, заходить в эти кварталы не рекомендовалось — и действительно было страшно. Сейчас этого нет. На месте этих домов либо разбили парки, либо построили современные, не выбивающиеся из общего стиля сооружения. Очень преобразился порт. Он находился неподалеку от моего общежития и тоже был в плохом состоянии. Теперь там очень красивая прогулочная зона. Таким образом, город поменялся в лучшую сторону.

Как уроженка и житель Санкт-Петербурга, я знаю, что такое соперничество между городами за первенство. Это соперничество есть и в Шотландии. Глазго — вторая столица Шотландии, и этот город сильно отличается от Эдинбурга, официальной столицы. Глазго — город, интересный с точки зрения архитектуры стиля модерн, очень дружелюбный. Там есть чем себя занять, что посмотреть и куда сходить. Там работали интересные архитекторы начала XX века. В Глазго красивый кафедральный собор с потрясающими витражами, картинная галерея, постройки, оставшиеся от всемирной ярмарки начала 1970-х годов, совершенно потрясающее поместье с музеем, где можно посмотреть на то, как пасутся шотландские мохнатые коровы. Все это можно обойти и объехать за два-три дня. А дальше надо ехать в Эдинбург, благо между городами всего час езды. Эдинбург тоже мне очень понравился. Это красивый город со средневековой архитектурой, которой в Глазго нет. Эдинбург — это история Шотландии. Там находится замок Марии Стюарт, театры, музей виски и много всего другого, чем известна во всем мире Шотландия. Он очень красиво расположен — как настоящий средневековый город, с замком на горе. Поэтому обязательно надо съездить в Эдинбург. Но он мне показался немного снобистским, напыщенным. Глазго в этом отношении менее напряженный и более спокойный. Мне, как жителю Петербурга, Глазго ближе. Так как я очень люблю Роберта Бёрнса, то съездила еще в Дамфрис, где он похоронен. Его могила — это средоточие народной любви. Там всегда цветы. Это очень красивое, трогательное место.

Вообще мне Глазго очень понравился, и, наверное, если бы была возможность поехать туда еще раз, то почему бы и нет. Конечно, и у него есть недостатки, но это очень красивый, интересный для жизни город.

ГРЕНОБЛЬ

Илья Кирия

Во Франции, в Гренобле, я проучился год — это было в 2002 году. Гренобль — это небольшой город, население самого муниципалитета (административного центра) — всего 160 тысяч человек, однако с примыкающими коммунами это составляет 450 тысяч человек, или одну из 10 самых крупных французских агломераций. Кроме того, Гренобль — самая крупная из альпийских агломераций (крупнее Инсбрука в Австрии), поэтому его называют «столицей Альп». Гренобль — город университетский. Когда я там учился, там было три университета, но сейчас во Франции идет укрупнение университетов: в результате все три университета сегодня слили в один, в котором учится 45 тысяч студентов.

До того как я оказался в Гренобле, я уже знал этот регион и этот город. Так получилось, что французским языком я начал заниматься в семь лет. У меня мама была преподавателем французского языка в Российском университете дружбы народов, а я учился в спецшколе им. Поленова на Арбате. А в 90-е годы наша семья не то что занималась бизнесом — скорее имела небольшую подработку: мы принимали в семью французов, они у нас жили. Тогда известная французская турфирма *Nouvelles frontières* предлагала французам, которые хотят поехать в Россию, две опции: либо ты едешь в отель и табунами тебя водят по Красной площади, либо для тебя ищут семью. Поиск семей проходил с помощью определенных механизмов. Например, через Общество друзей Франции. А поскольку у меня вся семья франкофоны: папа, мама, сестра — все говорили по-французски, да и жили мы на Арбате (напротив Спасо-Хауса — резиденции американского посла), естественно, мы принимали французов практически каждую неделю. Жили они у нас по три-четыре дня, потом сменялись другими. Мы должны были их кормить, развлекать было необязательно, но мы старались как могли. И я в том числе: водил экскурсии по городу, по московскому метро, по Москве. Таким образом я очень неплохо подтянул французский язык, потому что в спецшколе хорошо ставят грамматику, но все-таки устное общение с носителями — это совсем другое. Так получилось, что среди этих французов были люди из Гренобля, мы с ними подружались, и они пригласили меня к себе в гости. Папа с мамой согласились, понимая мой интерес к Франции и французскому языку. Так я впервые побывал в Гренобле.

Потом, когда я уже учился в Московском университете, я еще раз съездил к друзьям в Гренобль. Мне там понравилось, причем в большей мере понравился не сам Гренобль, а город, который находится в горах, в 40 километрах от него. Вот так получилось, что у меня было очень много друзей: и в самом Гренобле, и в горах. Поэтому, когда в 2000 году я окончил Московский университет и получил двухмесячную стажировку в Париже, я подумал, что будет правильно вместе с русской аспирантурой параллельно поучиться и во французской. И я подал документы в два места: в Париж и в Гренобль. Но Гренобль мне показался предпочтительней, потому что, во-первых, гренобльская коммуникационная школа на базе лаборатории GRESEC (Университет им. Стендаля «Гренобль-3») оказалась даже более известной, чем некоторые парижские. Парижская CELSA показалась мне слишком индустриальной, а гренобльская — в большей степени академической, что мне было ближе. Там читают Фуко, Бурдьё и многих других, и это мне казалось страшно интересным после московского журфака, где современная гуманитарная теория на таком высоком уровне не преподавалась. И я туда поступил, причем с первого раза. Но год пришлось подождать, потому что на протяжении года посольство не выдавало стипендии — был какой-то технический сбой. А через год я выбил себе стипендию французского правительства и уехал в Гренобль учиться в магистратуре. К тому моменту, когда я уезжал в Гренобль, я уже успел защитить кандидатскую диссертацию по журналистике. Из Москвы я уехал через неделю после защиты. Поскольку я уже был принят в университет в Гренобле, нужно было быстро закончить диссертацию, и я это сделал за два года. Был выбор и в Гренобле: там есть годичная и двухгодичная программы магистратуры. Это была годичная программа, и по итогам обучения можно было поступать в аспирантуру, что я и сделал после ее окончания. У меня был второй результат на курсе, и потому я мог претендовать, наверное, на получение временной позиции в университете, чтобы писать диссертацию. Но я понимал, что выходцам не из Евросоюза будет сложно. Вероятность получения должности из-за моего гражданства была не очень большая, даже несмотря на то, что у меня был такой высокий результат. И поэтому я вернулся.

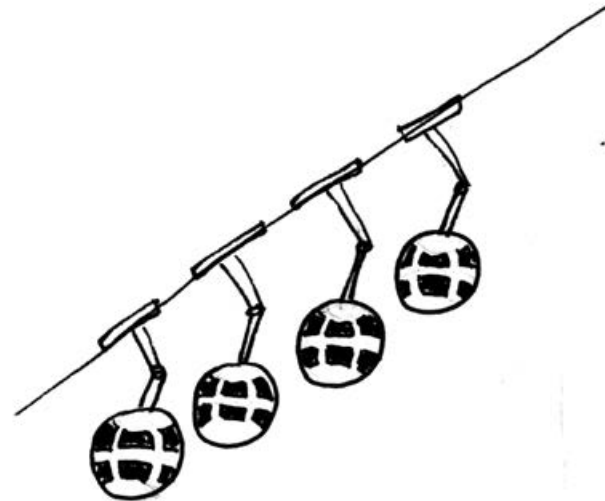
Теперь о Гренобле. Там образование было построено вообще не так, как я привык на журфаке. Принципиальная разница заключалась в том, что было очень мало занятий: всего пару раз в неделю мы ходили в университет. Но было очень много исследовательской работы — либо индивидуальной, либо групповой. Мы создавали мини-команды для разработки конкретных тем, а потом совместно над ними работали. Например, мы с коллегой создали мини-команду и занимались мобильной телефонией как индустрией. Мы провели большую научную работу, включавшую интервью и всякие другие методы. За нее мы получили лучшую оценку на курсе — 19 баллов из 20 возможных. Это очень высокий балл, французы никогда или почти никогда таких оценок не ставят. В общем, создание мини-групп с конкретными исследовательскими задачами — это было новым опытом для меня. У нас было два или три проекта подобного рода, которые мы делали в таких мини-группах. И второе, что очень четко запомнилось. У нас был семинар в форме телеконференций с двумя другими университетами, который вел мой научный руководитель Бернар Мьеж. Один из этих университетов находился в Монреале, другой в Париже. Мы делали совместные проекты с их студентами. Париж — Гренобль — Монреаль — вот так мы работали. На каждом очередном семинаре коллега из какого-то университета делал теоретический доклад, потом мы все его обсуждали, следовали вопросы от каждой из сторон — и все это в формате видеоконференции. А иногда студенты готовили совместные доклады: например, Гренобль готовил доклад с Парижем, Париж с Монреалем и так далее. Ничего этого в России не было, да и сейчас в России такое редко встретишь. Польза от такой работы состояла еще и в «перекрестном опылении»: если говорить упрощенно, то профессор из Гренобля лучше знал одну тему, профессор из Парижа — другую, из Монреаля — третью, и именно таким образом происходила их стыковка. Это была такая интересная штука, которая в принципе отличала обучение в Гренобле от обучения в Москве. Коллеги из этих трех университетов занимались общей темой: медиатизацией образования. Кстати, защита моей диссертации в Гренобле потом прошла в форме видеоконференции, потому что один из оппонентов был из Монреаля. И, чтобы не везти человека из Монреаля в Гренобль, его подключили к видеоконференции. И это не был скайп как технология, потому что скайп идет по интернет-каналам, а он тогда был значительно медленнее и менее надежен. Видеоконференции шли по ISDN-каналам. Это другая технология: камера ставится на телевизор и управляется отдельным пультом. Это дает более высокое разрешение и, соответственно, качество. При этом скорость передачи сигнала значительно выше, чем при использовании скайпа. Теперь о содержательных моментах. Французский подход — он вообще очень своеобразный. Американский подход — или очень эмпирический,

или основанный на классической социологии, Мичиганской школе и так далее. А французы и в какой-то степени немцы — это то, что мы называем *critical approach*. У них больше идет от Бурдьё, у них левацкие идеи, у них Фуко, у них много ссылок на работы коллег, которые мы очень часто даже не относим к социологии, или же они одновременно попадают в поле нескольких наук (к примеру, философии, социологии и политологии). В общем-то, значительная часть французских коммуникативистов исповедует такой *critical approach*. Из этого родились многие уникальные идеи, подходы — и в том числе социология использования медиатехнологий. Они только французские, аналогов им в чистом виде нет или почти нет в других школах. Поэтому мне было страшно интересно. Изучение теории и практик медиакоммуникации в том виде, в каком оно существовало во французских университетах, очень сильно расширяло представления о том, что мы здесь, в России, называли журналистикой или СМИ. Во Франции медиаштудии проводились в широком междисциплинарном контексте и включали в себя сильный теоретический компонент, обеспечивавший концептуализацию всего знания о коммуникации, которое скопилось к этому времени. Там науки о коммуникации выделились в отдельную область примерно в 1970-х годах. Они составили так называемую 71-ю секцию французских университетов.

Что еще было там и чего не было у нас? Во французских университетах создан единый профессиональный совет на уровне министерства. Он утверждает кандидатуры людей, которые претендуют на ту или иную позицию в университетской системе. В него входят представители всех университетов. Система, конечно, очень бюрократическая. Франция — одна из стран, где академия проиграла битву с чиновниками. Устроено это так. Если ты хочешь подать на позицию во французском университете, ты должен сначала пройти квалификацию. То есть кто-то должен сказать, что ты квалифицированный человек. Поэтому французские университеты размещают информацию о своих вакансиях не в средствах массовой информации, а на специальной платформе Министерства образования и науки. И Министерство образования и науки раз в год проводит кампанию по квалификации. Кампания проводится так. Тебе выдают номерок, ты по электронной системе должен отправить на суд двум независимым от тебя так называемым докладчикам свое досье, которое будет рассмотрено на общей сессии, как правило проходящей в январе. Туда входят представители всех крупных французских университетов, специалисты в данной конкретной области, а у французов таких областей около сотни. Можно себе представить количество профессиональных коллегий, которые там собираются. Они эти досье рассматривают по формальным признакам, ставят галочку, а затем публикуют список тех, кто прошел квалификацию. Если ты прошел квалификацию — ты в этой системе, можешь потом представлять свою кандидатуру в разные университеты на позиции, которые объявляются как вакантные. Естественно, при такой системе сложно приглашать иностранных профессоров. Французы их почти и не приглашают, сокращается интенсивность научного обмена. Кстати, одна из причин, по которой французы очень неплохо преуспели: в аспирантуру берут только тех, кто хорошо ориентируется в этой французской модели обучения. Если ты прошел французский докторат, ты эту штуку спокойно освоишь, пройдешь квалификацию и сможешь подавать документы на позицию в университете. И иностранцы, которые сидят на постах во французских университетах, чаще всего оканчивали французскую докторантуру — потому они и знакомы с этой системой. Либо вариант второй: чаще всего во Франции зарубежные профессора работают в Sciences Po (институтах политических наук, откуда часто выходят будущие политики). Почему? А Sciences Po не входят в структуру университетов.

Во время моего обучения, как уже отмечалось, в Гренобле было три университета. Первый — это Университет Жозефа Фурье, чисто математически-естественнонаучный. Он находится на центральной площади, прямо напротив префектуры. Другой университет называется Университет им. Пьера Мендеса-Франса «Гренобль-2». Это университет, который занимается в основном социальными науками. А третий, самый маленький, где я как раз и учился, называется Университет им. Стендаля «Гренобль-3». Эта нумерация университетов — наследие 68-го года. Взяли большие французские университеты, расчленили их на клочочки, и каждый клочочек получил свою отдельную специализацию и номер. Гренобль известен как научный центр, это один из французских городов, где есть адронный коллайдер. Туда приезжало большое количество ученых: физиков, естественников и социологов.

Мой университет имел не только номер, но еще и название: Университет им. Стендаля «Гренобль-3». Этот университет в основном специализируется на науках о коммуникации и филологии. Учился там, по-моему, тысяч 10 или 15 студентов. И «Стендаль», и второй университет Гренобля находились в одном кампусе. В этом кампусе располагаются все помещения университета, большая фундаментальная библиотека, общая для двух университетов, плюс все административные службы. Я учился не в кампусе, а жил в кампусе. У меня было общежитие, а в нем отдельная комната со всеми удобствами. Но учился я в новом пригороде Гренобля, потому что там находился Институт коммуникаций и медиа. Это было новое здание, построенное примерно в 1994 году. Оно получило особый статус и было отделено от основного кампуса. У него очень специфическая архитектура: стекло и металлоконструкции, внутри много галерей, дворик — в общем, оно отличается от классических университетских зданий. Почему оно было вынесено за пределы кампуса? У меня есть подозрения на этот счет. В тот период, когда оно строилось, ректором этого университета был мой научный руководитель Бернар Мьеж, возглавлявший лабораторию, которая занималась медиа и коммуникациями. И, видимо, для института был придуман отдельный проект. По-моему, в него еще были вложены деньги местного муниципалитета, и это здание было построено в центре пригорода, напротив мэрии.

Та лаборатория, в которой я учился, — одна из самых известных во Франции. Так получилось, что фактически именно с Гренобля началось выделение в самостоятельную научную область науки о коммуникации. Еще до того, как она была выделена в отдельную специальность, в Гренобле началась работа в этой сфере. Ее начали экономисты и социологи, которые стали коммуникативные феномены изучать и постепенно вытаскивали на межуниверситетский уровень, чтобы создать отдельное направление в исследованиях. Поэтому Университет Стендаля довольно известен в этой области. Долгое время возглавлял эту лабораторию мой научный руководитель Бернар Мьеж, его знают многие специалисты в области коммуникации, он знаком и с нашими московскими коллегами. В отличие от многих французских ученых, он был вхож в международные сети. Но я не могу с уверенностью сказать, что Университет Стендаля «Гренобль-3» был известен еще чем-то, кроме коммуникаций, — не могу судить о предметных областях, лежащих за пределами моих интересов.

После окончания магистратуры в Гренобле я поступил в докторантуру, стал писать работу, и за четыре года я ее закончил. Там же, в Гренобле, у этого же руководителя. Однажды в разговоре со мной он дал понять, что ему интересно то, чем я занимаюсь. И добавил, что было бы здорово, чтобы я продолжал работать над своей темой в докторантуре. Я так и поступил. В общем, записался я в докторантуру в 2003-м — защитился в 2007-м. Дистанционная работа не создавала никаких неудобств. Во Франции в докторантуре нет занятий как таковых: ты просто пишешь работу — и все. А это можно делать где угодно, главное — периодически показывать текст научному руководителю. Разумеется, я регулярно ездил туда, показывал работу, мы с ним что-то обсуждали. Или я приглашал его в Москву, если выдавалась такая возможность. А в 2013 году я три месяца преподавал в Гренобле, то есть через десять лет относительно надолго снова туда вернулся. На этот раз меня позвали в Гренобль в качестве приглашенного профессора на кафедру ЮНЕСКО при Институте коммуникаций и медиа.

Теперь о самом городе. Гренобль — это город, который был столицей провинции Дофине. Она граничила с франкоговорящей Италией, а граница проходила в горах над Греноблем. Буквально как в известном фильме «Закон есть закон». Кажется, это государство называлось Пьемонт. В этом государстве говорили на языке, который французы называют франко-итальянским или франкопровансальским. Этот язык является пограничным между французским и итальянским. Сегодня на франкопровансальском языке говорят лишь в долине Валь д'Аоста в Италии. Столица следующего региона, Савойи, которая находится чуть северней, тоже относилась к Пьемонту. Город Шамбери и все, что правее в сторону Турина, относилось к этому государству. Если ты приезжаешь в Турин, то он чем-то напоминает Гренобль. Поэтому в Гренобле есть этот шарм, который делает его непохожим на другие города Франции. Это разноцветный город, там даже дома разноцветные. Это сильно отличает его от Парижа или даже от Лиона — имперских городов.

Конечно, Гренобль очень красив своими пейзажами, потому что окружен тремя горными массивами. Один массив называется Бельдон, другой — Веркор: это плато примерно в тысячу метров высотой. Можно подняться на это живописное плато и там гулять. Там коровы пасутся на лугах. Кстати, в этом месте было больше всего партизан из французского движения Сопротивления в годы Второй мировой войны. Там даже есть музей, посвященный истории Сопротивления. А третий массив, окружающий Гренобль, — Шартрёз. Таким образом, город находится в котловине, поэтому там особый микроклимат. Гренобль одновременно является и самым холодным городом Франции, и самым горячим ее городом: летом там жарче, чем везде, а зимой — холоднее.

Теперь о достопримечательностях Гренобля. В Гренобле есть прекрасный музей изобразительных искусств. Он новый, его построили сравнительно недавно, может быть, годах в 80-90-х, но там собраны очень неплохие полотна итальянских мастеров. Центр города довольно красивый. Там есть епископская курия и при ней музей в помещениях старого епископского дворца, где под землей нашли руины древнего римского города, который располагался на этой территории. Раскоп поместили под стекло, и теперь можно, гуляя по улице над ним, любоваться средневековой архитектурой и фресками старого епископского дворца, а спустившись вниз — руинами древнего римского города. Получается, что зрителю как будто открываются один за другим культурные слои города. В этом и состоит концепция нового музея. Пространство города стало «окультуриваться» относительно недавно — в 80-х или в 90-х годах прошлого века. Город начал расти тоже не так давно. Фактически гренобльская агломерация начала расширяться как раз в то время, когда я учился в Гренобле. Тогда в городе было всего две ветки трамвая, а сейчас их пять. Это основной транспорт в городе — он же очень маленький. Это вообще очень типично для Франции, когда в небольших городах основным транспортом является трамвай. Между прочим, в Париже трамвай пустили совсем недавно, буквально в последнее десятилетие. В других крупных городах (Тулузе, Нанте, даже Бордо) трамваи существуют довольно давно.

Развитие Гренобля во многом связано с ростом университетов в городе. Хотя возникли они довольно давно, но расти начали, насколько я понимаю, после X зимних Олимпийских игр, которые прошли в городе в 1968 году. Это, естественно, сказалось и на самом городе. Для Олимпиады построили часть инфраструктуры, там даже есть дома, которые называют «олимпийскими», потому что они были построены под Олимпиаду. Плюс в Гренобле была построена горнолыжная станция, которая называется «Шамрусс». Она находится от Гренобля в 40 минутах езды на автобусе. Это олимпийская трасса, которая потом стала популярной горнолыжной станцией. Она не так известна, как Три Долины и прочие французские курорты, но вполне неплохая. Она дешевая, а потому там очень много молодежи. В отличие от крупных горнолыжных курортов, где горнолыжное катание связано с городом или находится внутри города, там просто горнолыжная станция, построенная только для спортивного катания. Ее очень любят студенты, я там катался практически каждые выходные. Там есть очень развитый и удобный сервис, связанный с горнолыжной станцией. Когда приходишь на городскую автобусную станцию, можно купить абонемент на день, куда входит и катание, и проезд до горнолыжной станции и обратно на автобусе. Днем туда можно прокатиться, да еще и покататься немного.

Ну что еще есть в Гренобле? В Гренобле есть Бастилия. На самом деле это остатки городской крепости, которая находится на горе. Туда можно подняться двумя путями. Путь первый, его еще называют «яйца», — это фуникулер. Состоит из трех кругленьких кабинок, которые ходят три — туда, три — назад прямо из центра, от реки. В Гренобле протекают две реки — Изер и Драк. Департамент, центром которого является Гренобль, называется Изер. Изер берет свое начало где-то в районе итальянской границы, в Верхней Савойе, в Гренобле она уже становится полноводной большой рекой и дальше впадает в Рону. Если не хочется подниматься к Бастилии на фуникулере, можно пойти пешком. Там парк с извилистыми дорожками, по которым народ очень часто бегаёт.

Это не настолько большой город, чтобы там было много музеев. Кроме картинной галереи там есть, конечно, какие-то новые музеи. Например, музей игровых автоматов. Там есть интересный краеведческий музей региона Дофине, куда можно прийти и увидеть классные инсталляции: домики альпийских крестьян величиной со спичечную коробку, со всей домашней утварью.

Иногда в Гренобле выпадает снег. Зимой, когда холодно, он выпадает на пару-тройку дней. А поскольку город в котловине, снег сразу не тает. Где-то с ноября-декабря горы вокруг Гренобля полностью покрываются снегом, и это очень красиво. А в самом городе в это время может быть около 0 или -2. Но история Гренобля не настолько богата, чтобы он чем-то сильно отличался от множества других маленьких городов Франции. И застройка его шла все-таки в основном во второй половине XX века. Самое примечательное в городе — это не столько архитектура или музеи, сколько виды и пейзажи. Гренобль и долина, расположенная в непосредственной близости от него, — это столица грецких орехов. Это самый крупный французский регион, где выращивают грецкие орехи. Более того, Гренобль известен тем, что из них там делают вино. Это чисто гренобльская фишка.

Еще Гренобль интересен тем, что он прекрасно расположен: от него два часа до Женева, один час до Лиона и полчаса до города Шамбери. Близостью к Лиону — всего 120 километров, час на поезде, — Гренобль особенно удобен. Есть люди, которые работают в Лионе, а живут в Гренобле. Но есть пара-тройка интересных мест, которые находятся в непосредственной близости от Гренобля. Одно из таких мест — монастырь, который называется Шартрэз. Это мужской монастырь, основанный святым Бруно Кёльнским в XI веке. Он находится в горах. Там есть музей, его можно посетить. Главное, что монахи этого монастыря хранят рецепт особой спиртовой настойки, которая называется шартрэз. В гренобльском регионе это марка, там есть даже отдельный магазин для дегустации и экскурсий по цеху, где этот ликер продается. Существует два типа шартрэза. Есть шартрэз легкой консистенции, который можно добавлять в чай. Я так понимаю, что он настаивается на травах, потому что имеет зеленый цвет. А есть высококонцентрированный шартрэз — 80-градусный, который продается специально в маленьких пузырьках исключительно для лечебных целей. Его капают на кусочек сахара и проглатывают. Я пробовал — действительно помогает.

Все годы после окончания магистратуры я регулярно приезжал в Гренобль. Фактически он стал моей второй родиной, я все время туда возвращался и возвращаюсь. Если я появляюсь где-нибудь в районе Лиона, Женева и так далее, я не могу туда не захватить.

ДАРЕМ

Вадим Радаев

В «Других городах» большинство коллег пишут о своем родном городе или о городе, где они провели много времени, часто бывали. Я пишу о городе, в котором прожил около месяца более 25 лет назад и который я уже почти не помню. Образы со временем размываются. Скорее это воспоминание об утраченном времени и былых ощущениях.

Осень 1991 года. Я в команде, которая должна создавать «Британский колледж в Москве» (будущую знаменитую Шанинку). Нас в качестве десанта забрасывают в разные университетские города для разведывания британского опыта. Я заброшен на северо-восток Англии, в небольшой городок Дарем, где и сейчас от силы полсотни тысяч местных жителей. И это даже не мой выбор — я никого и ничего там не знаю.

С тех пор я побывал во множестве английских городов и городков. Но Дарем запомнился особо. Уже из окна поезда с огромного викторианского виадука открывается незабываемый вид на этот город, точнее, на его исторический центр на высоченном холме, вокруг которого подковой изгибается река Уир. Здесь ты впервые видишь Даремский замок, воздвигнутый в XI веке еще при Вильгельме Завоевателе, и не менее знаменитый Даремский собор. За пять лет до моего приезда они были включены в перечень памятников Всемирного наследия человечества ЮНЕСКО (первыми в Великобритании) как исключительные образцы норманнского зодчества. Но всего этого я тогда не знал. Как не знал и того, что замок теперь принадлежит созданному в 1832 году Даремскому университету, в который я, собственно, и направлялся. Пока ты смотришь на этот замок, воображение рисует романтические картины из рыцарских времен, в основном из романов Вальтера Скотта (Шотландия неподалеку, и в Дареме знаменитый шотландец тоже бывал).

Меня определяют в частный дом за немислимую для нас тогда сумму — 100 фунтов в неделю (за один фунт в то время можно было пересечь всю Москву на такси и, возможно, даже в оба конца). Здесь сталкиваюсь с раковиной, где для горячей и холодной воды отведено по отдельному кранику и привычную теплую воду можно получить, только воспользовавшись затычкой. Возникают прочие раздражающие прелести британского быта. Кроме моей комнаты мне разрешено пользоваться гостиной, где я смотрю местный телевизор — новости, рок-концерты, сериал «Дживс и Вустер» со Стивенем Фраем и Хью Лори.

Почти каждый вечер бегаю кроссы по парку вдоль реки, многократно ныряя вниз по склону и вновь поднимаясь вверх. Гуляя по исторической части Дарема, тренирую фонетику английского (еще столь далекую от идеала). Вспоминаю приемы артикуляции, показанные преподавательницей языка, и повторяю фразы из увиденного интервью с Миком Джаггером из «Роллинг Стоунз» (у него-то артикуляция на зависть...).

Прихожу в библиотеку, роюсь в карточном каталоге (компьютеры в университете еще только появляются), набираю книг и читаю одну за другой. Делаю копии самого важного — на Родине этого не достать, электронные библиотеки в далеком будущем. И трудно предположить, что они вообще когда-нибудь появятся.

Хожу на занятия к даремской профессуре. Чему-то учусь. Подмечаю разные детали — например, то, что почти все преподаватели одеваются кое-как, ходят на лекции в растянутых свитерах, только ботинки надевают приличные. Этим подчеркивается университетский демократизм, многие социологи — приверженцы неомарксистских взглядов. Решаю про себя, что никогда не буду в таком виде ходить на собственные лекции. И не хожу.

Один из университетских преподавателей приглашает к себе домой, иронично извиняясь, что ездит на дешевой советской «Ладе» (мы тогда поставляли в Великобританию по несколько тысяч праворульных машин в год). Рассказывает, что работает на одногодичных контрактах и никак не может закрепиться. А у него семья. Так я узнал, что ситуация у коллег может быть не очень благополучной.

Мне говорят, что на тот момент я единственный русский во всем Дареме. Пару лет назад была еще преподавательница русского языка из России. Попробуйте сейчас такое представить в любом конце света.

В незнакомом мире каждый нуждается в проводнике. Моим шерпой становится доцент социологии местного университета Дэвид Бёрн. Не знаю, почему он со мной так возится и тратит на меня столько времени (обычно это не принято, даже рядовые встречи назначаются как минимум за неделю). Возможно, он увидел во мне искренний интерес и сам был человеком интересующимся. Мы подолгу разговариваем, он советует мне ключевые книги (вовсе не обязательно по моим темам). Все-таки хорошо иметь грамотного наставника.

Мы с Дэвидом ходим в пешие походы по окрестным холмам вдоль низких каменных изгородей (тут же вспоминаются «огораживания в Англии» из учебника истории). Он возит меня в родной Ньюкасл, где проводит социологические экскурсии — показывает местную «Рублевку», где живет элита, учит отличать муниципальные и частные дома по входным дверям, курсирует вдоль фактически брошенных промышленных заводов (плоды деиндустриализации). Важно своими глазами увидеть то, что прочитано в книгах.

Смущают постоянные денежные трудности. Сегодня, по крайней мере, в части текущих расходов мы чувствуем себя более свободными. А тогда денег было очень мало, при этом у нас почти ничего не было, а хотелось сразу всего. В России разгар дефицита, плохо даже с едой. И ты вынужден взвешивать каждый фунт — выпить ли лишний раз пива, поехать ли куда-нибудь, купить ли книгу или какую-то вещь (практически любую — дома все шло на ура). Хорошо, что сегодня мы избавились от подобных проблем.

Есть эпизоды — не очень значимые — которые тем не менее остаются с тобой на всю оставшуюся жизнь. Вот первый. Воскресный солнечный день. Я подхожу к небольшой центральной площади Дарема и вижу

скопление разряженной публики, духовой оркестр — явно готовится какое-то празднество. Задерживаюсь — и, действительно, вскоре показывается колонна людей, марширующих в военной форме. Военный парад! Когда же колонна приближается, я внезапно перестаю понимать, что происходит. Вроде обычный парад, каких я видел немало (и сам участвовал, когда был на военных сборах). Несколько странными кажутся лица военных и то, как именно они маршируют. Понимая, что это не кремлевский полк, все же обращаюсь с вопросом к стоящей поблизости леди и выясняю, что это парад заключенных из расположенной неподалеку Даремской тюрьмы (возведенной в 1810 году).

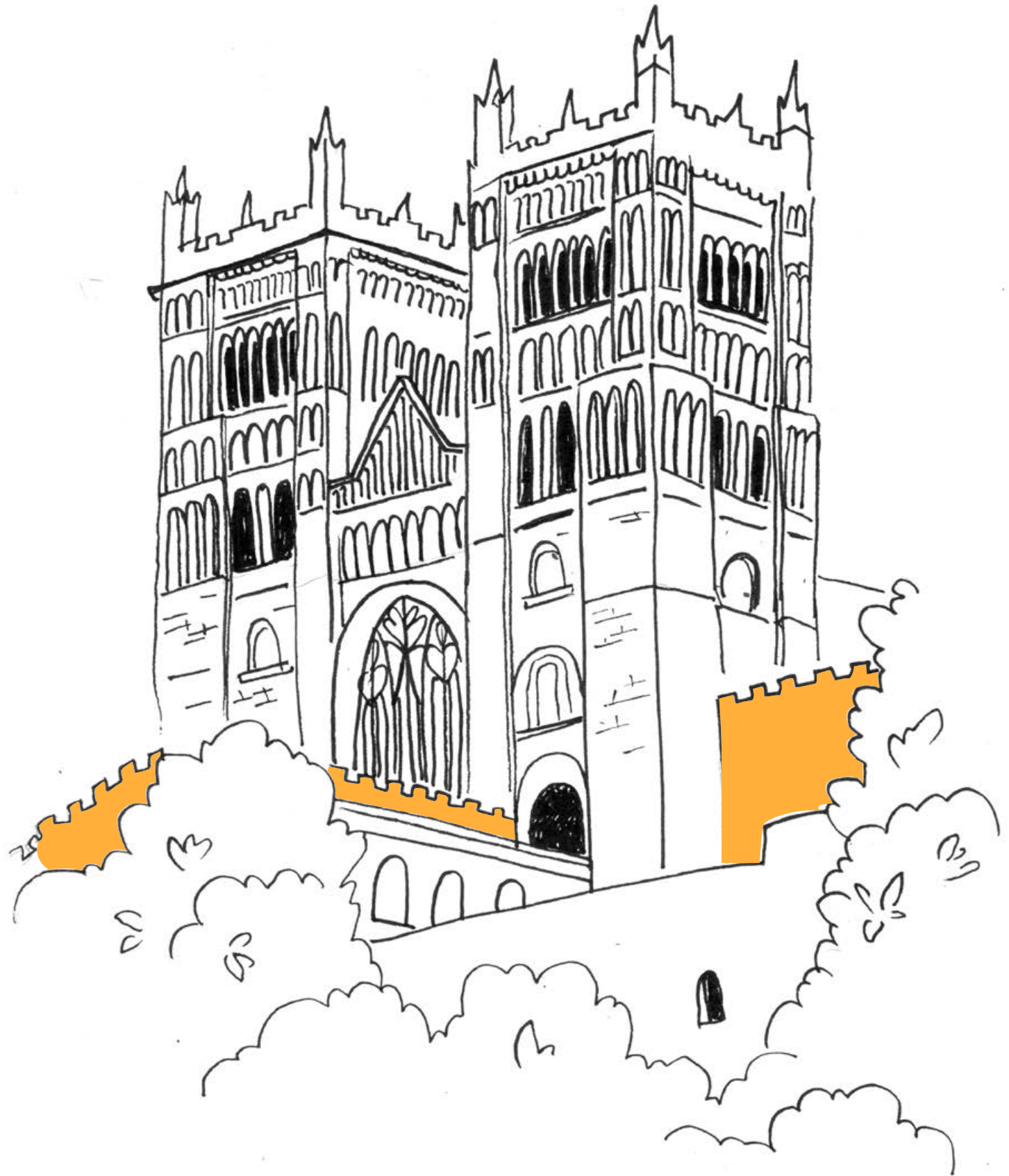
Второй эпизод. Иду через город и вижу на лужайке группу играющих детей 4-5 лет с воспитателем. Местный детский сад. На улице ноябрь, на мне свитер, поверх него пальто, и мне, честно говоря, не жарко. Дети же (вижу как сейчас) в белых маечках с короткими рукавами и белых трусиках. Их планомерно приучают к выдержке (знаменитый Stiff Upper Lip). Понимаешь, как эта нация в свое время завоевала полмира.

Но главное, что этот наполненный историей город становится рамкой для особенных ощущений, которые были характерны именно для того переломного времени в самом начале 90-х. Только что упал железный занавес, и появилась возможность проникнуть в запретный западный мир. Возникло острое осознание неопределенности, открытости будущего (увы, исчезнувшее ныне). Пока не ясно, что будет с твоей страной (только что распался Советский Союз, до начала либеральной реформы еще несколько месяцев), но чувствуешь, что грядут какие-то важные перемены. И тебе самому непонятно, что делать дальше — оставаться в России или попытаться перейти в другое таинственное измерение (многие коллеги начинают уезжать или подумывают об отъезде). На это наслаиваются профессиональные размышления. Думаешь, что дальше делать, переходить ли в социологию, которой начал усиленно заниматься. В голове складываются пока еще туманные представления об экономической социологии, которая позднее станет основной специальностью. А пока мир открыт.

Этот мир принимает тебя и даже по-своему ласков (к русским в это время относятся с каким-то неподдельным удивлением и порою даже восторгом). Тебя приглашают в пабы или домой на семейные обеды. Но ты все равно ощущаешь здесь себя чужаком, занесенным в другую среду. Тебе лишь позволили некоторое время понаблюдать, как живут другие...

Иными словами, ты попадаешь в мир фэнтези. Говорят, Даремский собор послужил прообразом для создания визуального образа замка Хогвартс в фильмах о Гарри Поттере. И это не удивляет.

С годами происходит разволшебствование этого мира. Открывается много других по-своему красивых мест, путешествия становятся обыденным делом. Нетрудно вернуться и в Дарем. Просто взять и поехать. Но вернуть те обостренные ощущения открытия нового, чувство какого-то щемящего одиночества и рвущихся куда-то надежд на будущее — столь неясное, но непременно светлое, — уже никогда не удастся.

ЖЕНЕВА

Александр Архангельский

Началось все с того, что после университета я не попал в очную аспирантуру, и это означало, что теперь нужно было где-то работать. Но я был прикреплен к кафедре, что давало возможность сдавать кандидатский минимум, участвовать в заседаниях кафедры, но вот освобождения от работы такая форма подготовки диссертации не предполагала. Поэтому параллельно я работал: на детском радио, потом в журнале «Дружба народов». И тут началась перестройка, когда впервые появилась возможность сочетать работу филолога с работой журналиста: пошли так называемые «рукописи из стола», самиздат, републикации, подготовка текстов, и все охотились за книжками, не опубликованными при советской власти. И наконец в 1989 году «Новый мир» продавил последний цензурный барьер, после которого цензура обесмыслилась. Это был Солженицын, главы «Архипелага ГУЛАГ». И как только это произошло, мы решили напечатать книгу о Солженицыне, автором которой был Жорж Нива — известный французский славист, работавший в Женеве. Книжку эту перевел тоже очень важный для русской культуры человек — Симон Перецович Маркиш. И с ними обоими я списался и мгновенно получил согласие на публикацию книги. Так начались наши сначала заочное общение, а потом и очная дружба с Нива и со всем его кругом с кафедры славистики Женевского университета, возглавлял которую знаменитый Мишель Окутюрье. Работа шла в течение года: мы переписывались, обсуждали, у нас началась нормальная научная дружба.

В 1991 году я поехал на первую в своей жизни стажировку в Германию, в Бременский университет. Узнав об этом, Нива пригласил меня прочитать лекцию в рамках женевских семинаров. Я приехал туда, прочитал и получил приглашение почитать там лекции на летний триместр, который продолжался с марта по июнь. Тематика этих лекций каждый год была разной, так как там нет систематических курсов, они все время меняются. Только сейчас там появилось какое-то подобие обзорно-академических систематических курсов. Системных курсов, кстати, не предполагает в Швейцарии не только вузовская система, но и школьная тоже. Потом я неоднократно приезжал в Женеву на конференции, несколько раз вел такие же триместры — в 1996 и 1998 годах. Там была плавающая ставка на один триместр, на которую приглашали специалистов из России и Украины.

Первую лекцию я прочел аспирантам и сотрудникам кафедры, а потом читал студентам. Причем там существовала довольно сложная система: я должен был читать лекции по-русски, потому что одновременно слушатели должны были осваивать и русскую устную речь. Но поскольку было ясно, что материал с голоса они не воспримут, после меня на протяжении еще одного часа все то же самое, что я говорил по-русски, проговаривала с ними по-французски ассистентка, которой я давал тексты лекций. У меня было два часа на лекцию. После этого у них была одна пара, когда они и читали текст для следующей лекции, и проговаривали непонятные элементы содержания предыдущей. Русский язык они знали довольно хорошо, но все-таки недостаточно. Теперь про мой курс у студентов. Проблема состояла в том, что каждый раз надо было читать новый курс, а я никогда не знал, что знает группа. Это обратная сторона метода обучения, когда нет систематических курсов. С одной стороны, здесь есть колоссальные преимущества, но есть и недостатки, о которых надо было постоянно думать. Вот вы приходите в студенческую аудиторию. Один учитель увлекался историей русской революции, поэтому про русскую революцию студенты знают все. Одновременно он любил, допустим, Гейне, и они знают Гейне, но больше они не знают ничего. Совершенно непонятно, как при этом выстраивать общий контекст, какие вещи упоминать как очевидные, а что давать как материал, требующий углубления. Это все невероятно сложно. Но тем не менее курсы были разные. Один раз я читал курс о декабристах в истории и в литературе. Следующий курс назывался «Российская империя в истории и в литературе». Про то, как формировалась империя, как формировался имперский контекст и так далее. Был еще третий курс — я сейчас уже не помню темы. Но все они были на стыке истории и литературы — не давая исторического контекста, работать было невозможно.

И еще в Женеве существовал так называемый Русский кружок, который когда-то создал выдающийся предшественник Жоржа — Мишель Окутюрье. Там я тоже выступал. В 2016 году отмечалось пятидесятилетие Русского кружка, и там я выступал тоже. Это объединение русскоязычных людей, живущих в Женеве. Это эмигранты, сотрудники международных организаций, которые к тому времени там уже были, некоторые представители посольства, которые не боялись туда заходить. Туда приезжали и многие русские эмигранты, которые попадали во Францию, — Андрей Амальрик, Мария Васильевна Розанова, Виктор Некрасов — все они прошли через этот кружок. Да многие замечательные люди приезжали туда выступать: Ефим Григорьевич Эткинд, Владимир Сорокин, Александр Моисеевич Некрич, Михаил Яковлевич Геллер и другие. В основном деятельность кружка была посвящена литературе и истории. То есть в Женеве была академическая жизнь — это аспиранты и преподаватели, была учебная жизнь — это студенты, и была просветительская жизнь — это Русский кружок. И все это держалось тогда и во многом до сих пор держится на Жорже Нива, хотя он уже на пенсии.

Если говорить про Женевский университет, то по швейцарским меркам он крупный, один из двух самых крупных (самый большой находится в Цюрихе). Это старейший в стране университет, он создан в 1559 году Жаном Кальвином. Женевский университет, к счастью, имеет возможность приглашать людей из других стран — сегодня там работают лучшие русские математики, лауреаты Филдсовской премии. В университете образовалась замечательная русская библиотека. Окутюрье и Нива, два выдающихся слависта, собирали ее в советское и в постсоветское время. Там были все журналы, все газеты и пр. Если говорить об исследованиях, то это европейский франкоязычный университет, где, в отличие от американских университетов, нет ориентации на узкую специализацию. Здесь университет — это в большей степени место интеллектуальных бесед, общения, чем место, где вы изучаете узкий аспект какой-то темы. И поэтому часто возникали довольно забавные ситуации. Когда люди с американской выучкой со своими докладами на узкую тему приезжали в Женеву на конференции, то они вынуждены были разворачивать их в более широкий контекст, из-за чего испытывали большие сложности. Году примерно в 1992-м проводилась конференция «Москва и Киев на пути в Европу». Такую широкую тему в Америке трудно себе представить. И вот туда приехал американский, а сначала израильский аспирант Аминадав Дикман с нормальным докладом. Он нашел в архивах венки сонетов двадцатипятистепенного еврейского поэта конца XIX века про Крым. И вот он с увлечением рассказывает о конкретной, узкой, как и положено в Америке, находке. Но ему же надо поставить его случай в какой-то контекст. Поэтому он делает вывод, связанный с темой конференции, и начинает рассуждать, что этот венок сонетов опровергает мнение, что будто у евреев было презрение к Украине. Нет, все как раз наоборот! Смотрите, как влюбленно еврейский поэт пишет про Крым. На что ядовитый Симон Перецович Маркиш поднимает руку и говорит:

– Ами, дорогой, кто тебе сказал, что Крым в XIX веке был украинским?

Сейчас, пожалуй, нужно уже делать оговорку: Симон Перецович Маркиш вовсе не оспаривал территориальную целостность новой Украины; он просто указывал на то, что Крым в то время был татарским, а подданство его населения — российским. И эта коллизия понятна. Человек приехал и сделал нормальный американский доклад, но выводы-то надо было сделать широкие. При этом в Женевском университете каждый занимается тем, что ему интересно. Так, Жорж Нива занимался Солженицыным в широком культурфилософском смысле — в контексте русской культуры и истории XX века. И на базе этого его женевского курса выходила так, по-моему, до последнего тома и не дошедшая «История русской литературы». Вполне академическая, толстая, начинавшаяся, как и положено, со «Слова о законе и благодати» и долженствующая продолжаться до дня сегодняшнего, по томам, эпохам и периодам. Там томов десять вышло, наверное. Такой широкий охват. Внутри этого предельно широкого охвата специалист должен быть универсальным. Он занимается Россией в целом, он занимается русской культурой в целом и детализирует только то, что ему интересно в данный момент.

Есть и другая традиция. В ней работал ученик Нива — Жан-Филипп Жаккар, который потом возглавил кафедру. Он занимался только любимыми обэриутами и остается одним из главных специалистов в мире по обэриутам. Но, опять же, поскольку оставалась в силе все-таки универсалистская установка, он вынужден был постоянно делать доклады, например, про Пушкина, про «Руслана и Людмилу». Ему было тяжело, но так как он вовремя сообразил, что на самом деле это непристойная поэма о прерванном половом акте, то он легко смог это связать со своими обэриутскими предпочтениями. Там был человек, который писал про Малларме, и еще много кто был. В общем, кто во что горазд. Если говорить о том, что давала такая широкая специализация, то если у вас есть швейцарский паспорт и русский язык, если вы понимаете, как устроена русская культура, от высокой до бытовой, если вы знаете, на каком языке разговаривать с клиентами, то место в одном из швейцарских банков в 1990-е годы вам было обеспечено. Сейчас, конечно, все стало сложнее, но тогда это была кафедра, которая давала специализацию, востребованную на рынке. Человек с таким широким кругозором мог разговаривать с русскими клиентами на понятном им языке. Сложнее оказывалось тем, кто

был заинтересован в академическом направлении: этот выбор был связан с огромными рисками и готовностью ехать туда, куда судьба занесет. Как правило, ехали искать работу в Америке. В Швейцарии, в Европе нет рынка для славистов — он был, пока шла холодная война. Был еще очень недолгий бум в перестройку, а потом наступил всеобщий спад. Поэтому такие программы начали повсеместно закрывать.

Я активно сотрудничал с Женевским университетом в 90-е годы, потом плавающая ставка была закрыта, а вместо нее открыли постоянную. Ее сначала занял известный историк и переводчик Владимир Берелович (кстати, он переводил мою книгу об Александре Первом для Fayard), а после него — моя подруга, которая еще успела послушать мои лекции, — Коринн Амашер. И сейчас она работает в Европейском институте при Женевском университете: ведет тему России, Украины, Польши. Ездить в Женеву я стал гораздо реже. Но дружба важнее, чем частое присутствие. Все контакты сохраняются, и мы постоянно взаимодействуем с Коринн, с Жоржем, с Жаном-Филиппом, с Русским кружком.

Когда после долгого перерыва я вернулся в Женеву, то не совсем ее узнал. Потому что в начале 90-х я попал в ту классическую старую Женеву, где очень мало что строится, где все на века, где ничего не меняется. Жил я на вилле Рокфеллера, поскольку Рокфеллер подарил ее университету. И некоторые приглашенные профессора жили там, снимая комнаты на большой вилле. В частности, Андрей Анатольевич Зализняк там же жил. И все, кто приезжал, кому Жорж Нива пробивал место. Вот выходишь из виллы — это нормальная классическая серая большая вилла, — а рядом видишь каменную скамейку с табличкой, где написано, что на этой самой скамейке Шатобриан познакомился с мадам Рекамье. Вокруг огромное ухоженное пространство, нечто среднее между полем, аллеей и садом. И это все было внутри университетской территории. Ты гулял по этим замечательным местам, потом мимо ооновских зданий спускался к озеру — и вдоль озера мог фланировать сколько тебе заблагорассудится, потому что там специально проложены дорожки и все как положено — английский газон и прочее. Вот жил я на этой вилле, гулял по этим роскошным просторам. Потом, спустя годы, заявился туда в надежде увидеть те же просторы — и... ничего подобного. Все застроено. Парк полузаброшен — наверное, денег на него не выделяют, а вдоль и вокруг все застроено новыми, новыми, новыми домами. Женева начала строиться.

Когда в 1992 году я, советский человек, впервые там оказался, то первое, с чем столкнулся, меня поразило. Первое, с чем я столкнулся в 92-м году, — это:

а) по газонам можно ходить;

б) студент может набирать себе курсы по своему усмотрению.

Еще я впервые познакомился с этим прототипом *liberal arts*: студент может оканчивать университет по кафедре славистики, но одновременно выбирать музыку и спорт. Если я правильно помню, там было три специалитета — один основной и два дополнительных, по которым студент мог получать квалификацию. И при этом, опять же, был шок, потому что два года они учились без экзаменов. Принимали всех, а образование тогда было бесплатным! При мне уже ввели плату — 500 швейцарских франков за триместр, но начались студенческие волнения, потому что это воспринималось как оскорбление. Понятно, что «берут всех» — это все-таки не совсем точно, существовала какая-то тестовая система, надо было набрать определенное число баллов на экзаменах. Брали всех, имеющих формальные основания быть зачисленными. Если в течение двух первых лет обучения нет экзаменов, то текущий контроль, конечно, есть — это зачеты, но вот наших экзаменов с билетами, с подготовкой, с комиссией — этого нет. Еще меня поразило, что меня предупредили: нельзя беседовать со студентами противоположного пола при закрытой двери, пальто не подавать, с девушками не шутить. Шутить в принципе можно, но лучше знать правила, что считается сексизмом, а что нет, а поскольку я их не знал, то старался держать себя в руках.

Если говорить о самой Женеве, то туда не надо приезжать в туристическую поездку. Там надо пожить, только тогда город тебе откроется. Та Женева, в которую я приехал, — это был город довольно закрытый, в отличие от Лозанны или даже Цюриха. Ни один из моих знакомых, у кого я был дома в гостях, не был женеvцем: женеvцы почти никогда никого в гости не приглашают. Однажды, уже спустя несколько лет, я попал в дом к одной русской даме, вышедшей замуж за классического женеvца, но она меня приглашала в дом, только когда его дома не было. Женеvцы живут очень закрыто, очень. Все мои друзья — из Лозанны или из других мест. Нива — из Франции: он живет на той стороне озера, в деревне в горах. И только если ты попадаешь с черного хода, ты начинаешь видеть эту самую нетуристическую Женеву. Она вся на краях. Ну что центр? Здесь все как положено: гора, на горе собор, у собора музей — видели мы все это миллион раз. Трамваи прорезают город насквозь. Очень удобно, кстати, было ездить до границы, а там пешком ее переходить нелегально, поскольку Швейцария довольно поздно вступила в Шенген. Но город с краев, там, где район ооновских организаций, очень красивый. Это один из самых зеленых городов мира. Там кладбище, на котором похоронены очень многие достойнейшие люди. С другой стороны озера те места, где Де Голль вел переговоры об освобождении Алжира. Надо знать, где ты ступаешь. И поскольку я тогда занимался русской литературой XIX века, я считывал многое по рисункам Жуковского, которые очень хорошо помнил. Еще раз повторю: к моменту, когда я приехал туда, окраина Женевы мало изменилась сравнительно с XIX — началом XX века. Сейчас она застроена новыми домами. Понятно, что это неизбежно, но мне повезло — я застал там немного другую жизнь.

Главная проблема туристов в том, что женеvцы не только абсолютно закрыты, но и на выходные из города, как правило, уезжают. И поэтому, если ты едешь в Женеву только в центр и только в выходные, что ты видишь? Ты видишь разноплеменные толпы приезжих, которые фланируют вдоль озера, на самом деле не Женеvского. Нет же Женеvского озера, есть Lac Lemан. Женеvцев вы там не найдете. Но если у вас есть возможность и вы знаете, где тусуются женеvские студенты в будни, то вы увидите совсем другой город — живой, веселый, раскрепощенный, вольный. Тусуются они как раз у Lac Lemан. Но только не вдоль перил, а там есть целый ряд маленьких университетских вилл, которые прикрыты кронами деревьев. Просто заходишь за угол, а там тусуются студенты, у них там семинар идет.

В Женеве замечательный, роскошный ботанический сад, он тоже расположен ближе к району ооновских институций. Музеи, опять же, неочевидные для многих. Например, все знают Женеvскую картинную галерею. Ну картинная галерея и картинная галерея — ничего особенного. В Базеле гораздо лучше, если говорить про Швейцарию, в Цюрихе примерно такая же. Но там лучший в Европе, а может быть, и в мире Музей книги, который построен на противоположной стороне озера. Он как построен? Он врыт в землю, внутрь, вглубь. Это музей, где вы спускаетесь, а не ходите по зданию. И луч света падает в центр через стеклянный столб — в место, где хранится гуттенберговская Библия. И это частный музей. Был такой крупный инженер, который всю жизнь собирал книги. И собирал их правильно. Это уже XX век. Потом был создан фонд Бодмер, который и построил этот музей, уводящий вниз. И там проходят постоянные книжные выставки одна другой лучше, в том числе и русские, между прочим. Выставляются рукописи из Пушкинского музея и из многих других мест. Там умеют представлять рукописи, а с моей точки зрения, рукописи — эстетический объект, они безумно красивы. Когда ты видишь, как писатель заполняет страницу, рисует на полях — стрелочки, перечеркивания... Почерки в XIX-XX веках все-таки были не те, что ныне, — это мелкая моторика, возведенная в эстетическую степень.

В старом городе там есть публичная библиотека, в которую тебя должен кто-то привести, потому что это частная публичная библиотека. Она не принадлежит кому-то одному, она принадлежит обществу, члены которого обладают правом ее посещения. Это тоже такая вилла. Ну вилла и вилла. Вот ты в нееходишь, и там можно сидеть, читать, можно заказывать книги из читальных залов. И там встречаются невероятные находки. Ну, например, какой-то идиот порекомендовал Владимира Ильича Ленина в члены читательского сообщества. И Владимир Ильич, не будучи дураком, взял и заказал книжки и исчеркал их своими замечательными остроумными заметками,

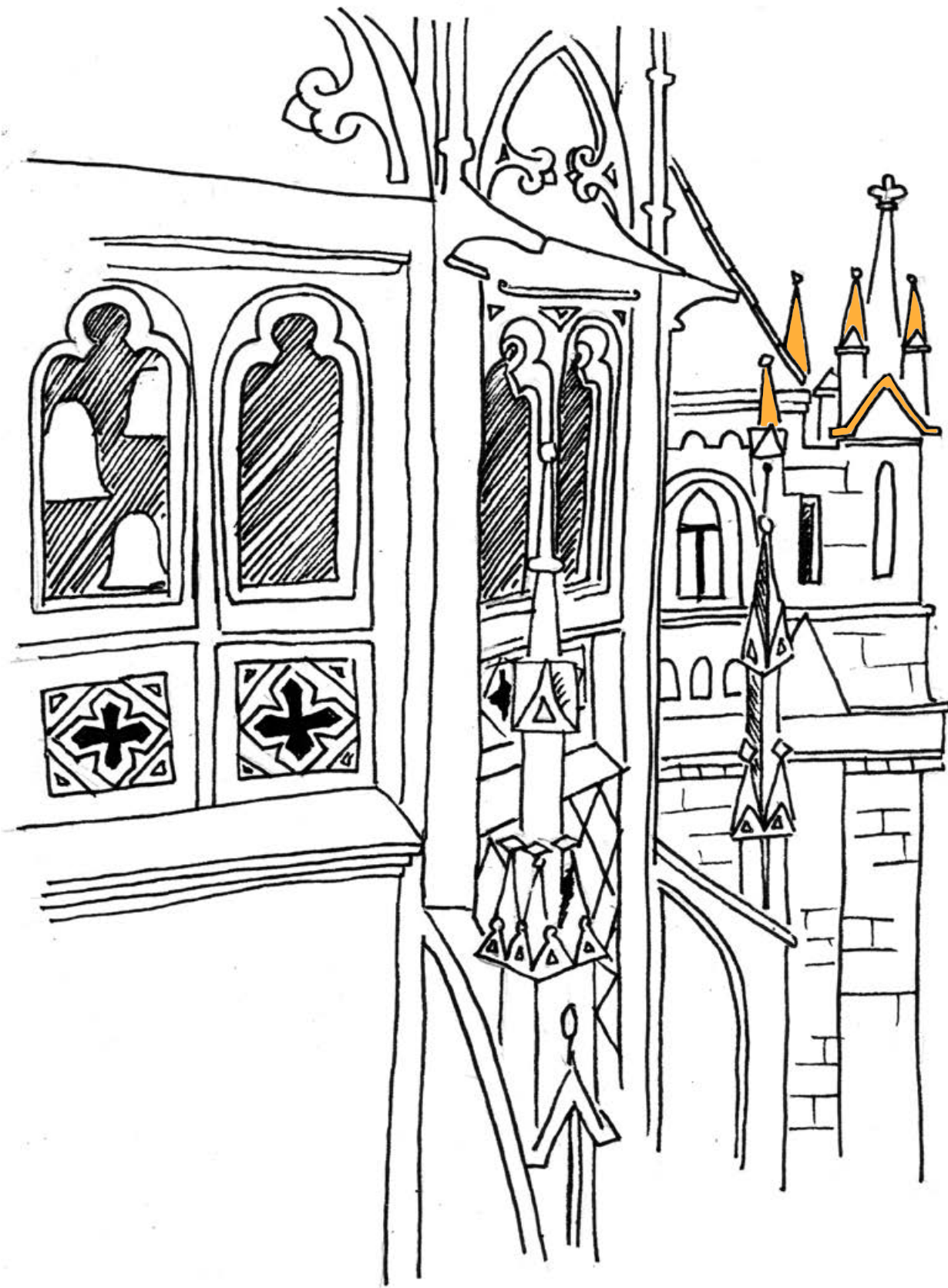
которые мы когда-то изучали, читая его «Философские тетради»: «Жучка есть собака, Иван есть человек», *nota bene* и прочее. Но зато теперь можно делать открытия. В начале нулевых нашли исчерканные Владимиром Ильичом книжки. Теперь они представляют собой невероятную ценность, поскольку там пометки самого Ильича. Есть более серьезные истории. Изучая картотеку, выяснили, что в один и тот же день перед Первой мировой войной в библиотеке за соседними столами сидели и читали книги Владимир Ильич Ленин и Муссолини — он был тогда марксистом, леваком. Представляете, какой сюжет! Вот сидят два человека — Ленин и Муссолини, которые друг друга не знают. И вот, когда ты про это узнаешь, ты по-другому смотришь на эти просторные, вроде бы обычные, без украшений, читальные залы. Город серьезно воспринял уроки Кальвина: там с изображениями внутри помещений по-прежнему плохо. Там аскеза, то есть нет никаких украшательских штучек, лепнины, зеркал. Камин, стена, кровать, книжный шкаф — больше ничего. Это нормально для Женевы.

Или другая история. Сейчас уже нет таблички, а когда я в первый раз приехал, она еще была. Было кафе «Ландоль» рядом с той частью университета, где находится славистика. И в этом кафе «Ландоль» Владимир Ильич Ленин был постоянным посетителем, завсегдатаем. Сейчас уже кафе закрылось, а тогда оно еще работало. Ну и так далее, миллион такого рода историй.

Обязательно надо ехать в окрестности Женевы. Там есть русская церковь, тоже в той части, где Музей книги. Ну церковь как церковь, в стиле Александра III, как большинство посольских церквей конца XIX века. Но там заочно отпевали — и Солженицын был на этом отпевании — Томашевскую, ту самую, которая под псевдонимом «Д» написала книгу «Стремя “Тихого Дона”». Это была первая книга о том, что «Тихий Дон» украден у Крюкова. (Я никаких суждений не высказываю, я не специалист.) И ты это знаешь. И ты смотришь тогда совершенно иными глазами, но кто-то должен тебя через все это провести.

Магазинчики, которых сейчас уже нет... Там были замечательные музыкальные магазинчики, но они все спрятаны. Там же, в старом городе, недаром есть зона «гусиная тропа», прямо в стене, чтобы ты резко спускался вниз, не обходя по спирали весь старый город. И таких гусиных троп узеньких там сотни. И опять же, надо бывать там в нехорошее время года. Почему, например, Достоевский говорил, что женевский климат убил его дочь? Потому что, если вы бываете там в декабре — в начале января, тогда две недели, без перерыва, через город летит тонкий ледяной ветер. Как проволока. Он попадает вам в уши, в нос, в рот, протягивается через вас и летит дальше. Он называется биз. Это ветер, дующий от озера в течение двух недель без перерыва и вынимающий душу. Я попал и запомнил навсегда. И это, с одной стороны, ужасно. Но, с другой стороны, в это время ты можешь увидеть то, чего никогда не видел. Если внезапно ударяет мороз, то волны Женевского озера замерзают на лету. Они выплескиваются на деревья, на скамейки, на фонари... и замерзают. И эти волны набегают одна за другой. Город около этой части Женевского озера превращается в такую опасную ледяную пещеру. Вы видите остекленевшую набережную, покрытую льдом, как стеклом. Это красиво и страшно в одно и то же время.

И опять же рядышком у вас Франция, она совсем другая. Вы доезжаете 12-м трамваем до границы и понимаете, что до этого вы были в царстве чистоты. При том что Франция не самая грязная страна на свете! В Женеве особая чистота. Но при этом в Женеве есть такая вольница. Вот чем жестче внешний мир, тем неформальней внутренний. Не знаю, как во французских университетах — я там не преподавал, только в конференциях участвовал, но в женевском, если ты преподаешь, у тебя есть ключ от библиотеки. И ты можешь ночью, когда тебе удобно, сесть на велосипед и приехать в библиотеку. Отпереть ее, запереться изнутри и сесть работать всю ночь в этой самой библиотеке.

В общем, желательно найти себе проводника, чтобы действительно увидеть этот город. А если у вас нет Вергилия, то перед вами предстанет безумно красивый Lac Lemан — правда, в районе Монрё и даже Лозанны этот вид более красив. Фонтан бессмысленный 140-метровый, который есть на всех открытках. Зато там система мостов особенная. Надо знать, что нужно идти не по тому мосту, по которому все едут, а пройти чуть дальше — и тогда вы увидите разную воду этого озера. Она серая, асфальтовая на самом озере, а если вы проходите чуть-чуть вправо и переходите другой мост, становится зеленой и гладкой, потому что там спуск и вода медленно течет, а потом она опять темнеет. Короче, вы перешли на противоположную сторону, и если вам не нужны роскошные магазины, то вы идете сразу вверх. Поднимаетесь к собору, проходите собор и спускаетесь от него к университету мимо Стены Реформации. А дальше университет, пройдя сквозь который ты попадаешь в зону, где театр Carouge — там уже более вольная студенческая часть. Есть часть, связанная с ООН, есть чудовищная вокзальная — ну это как везде, с публичными домами, с ужасными тетками, которые там бродят в тоске, ожидая клиентов. Ну что еще? Музей. Как туристический объект Женева малоинтересна. В ней надо жить.

Если говорить про университет, то это вообще другой тип образования. Кроме того, оно лучше, чем во Франции, оно заточено все-таки на лидеров, оно не усредняющее. Во всяком случае, оно было таким в 1990-е, сейчас я не знаю. При этом, поскольку там нет охраны на входе, очень полезно бывает пройтись по студенческим аудиториям, в старом здании, в новом, посмотреть, как читают лекции в гигантских аудиториях. Гигантских! Читают с микрофонами, с усилителями.

Когда я там был, только-только начали появляться первые русские студенты. Сейчас, говорят, их много. Они весьма патриотично настроены — живут в Женеве и объясняют своим преподавателям, что те ничего в России не понимают, что у России свой путь. В то время, когда я там плотно работал, невозможно было представить, что российские студенты будут гонять на «Ламборгини», как это случилось сравнительно недавно. Раньше это было невозможно. Возможно было другое. Ты приезжаешь в ту Женеву, в дом к кому-нибудь из русских эмигрантов второй волны, а там каждый день, каждый вечер к ним спускается лиса, они ее кормят. И ты ее кормишь, и ты с ней общаешься. Вот этих времен для нас, боюсь, уже не будет. И хотя лисы никуда не делись, но люди там живут другие. Не наши знакомые. Там, где живут наши знакомые, лисы тоже живут.

ЛИОН

Нина Добрушина

Предложение написать текст о городе заставило меня обнаружить, что городов в моей жизни ровно один. Дальше можно было бы что-нибудь вроде «и ощупью его во сне найду», но ничего такого драматического я по отношению к Москве не испытываю. Просто я тут родилась, выросла, до тридцати лет никуда отсюда надолго не уезжала, у меня нет ни одного родственника вне Москвы, к кому я ездила бы в гости, — в общем, очень скучно. И во сне я нахожу тоже Москву, окрестности девятиэтажки на «Юго-Западной» моего детства.

И хотя я не могу без оговорок сказать, что люблю Москву — как-то она плохо подходит для любви, — но получилось так, что никакого другого города мне полюбить не удалось. С определенного возраста я стала ездить много и с огромным удовольствием, но почему-то ни разу не удалось сказать себе: «Вот тут я хотела бы жить».

В Лион я попала довольно случайно. Я подала на одну из прекраснейших в академическом мире стипендий — EURIAS. Она хороша тем, что дает полную возможность заниматься тем, чем хочется, в одном из европейских «институтов передовых исследований» (Institutes of Advanced Studies). Предлагаешь свою собственную тему исследований, и если заявка проходит, то никаких внешних обязательств, кроме участия в еженедельном семинаре и небольшого отчета, нет, а условия для жизни и работы прекрасные. Когда подаешь на эту стипендию, выбираешь три института, куда бы хотелось поехать. Важно только, чтобы у подающего были какие-то академические связи с учеными этих городов. А потом уже, если проходишь первую ступень отбора, эти три института решают сами, кто из них тебя возьмет. Так что у меня были шансы попасть не в Лион, а в Уппсалу или в Иерусалим.

От Лиона я ждала обычных туристических радостей — музеев, архитектуры, новых маршрутов, новой еды, а главное — тихой академической жизни с возможностью просто писать статьи в свое удовольствие. И сильно удивилась, когда поймала себя на мысли: тут можно жить. Я попробую рассказать о Лионе не как о городе, который стоит посетить, а как о городе, в котором можно жить. Причем из того угла Лиона, где нам, собственно, довелось провести год.

В Лионе две реки. Тот, кто любит воду, как я, поймет меня. Здесь две большие реки — Рона и Сона (по-французски они тоже рифмуются, но пол у них разный: le Rhône — мужчина). Лион находится на том месте, где эти две реки сливаются в одну (мужчину, ясное дело).

Нас поселили в доме, который находится на территории École normale supérieure. Это не центр, а район под названием Gerland, он же седьмой округ. Здесь соседствуют кампусы ENS и дешевые дома, где живут иммигранты. На экскурсии нам с гордостью показали здание так называемой лаборатории P4 — это обозначение высшей категории опасности исследований. Когда недавно вспыхнула эпидемия лихорадки Эбола, тут нашлись специалисты, которые были готовы бороться с болезнью.

В десяти минутах от нас Confluence — то есть слияние рек. Над этим слиянием стоит большой красивый пешеходный мост со скамейками, на которых до конца октября удавалось валяться и греться на солнышке. С моста можно смотреть на самый кончик земли, разделяющей Рону и Сону. Можно даже туда сходить. Вдоль обеих рек — бесконечные зеленые набережные с велосипедными дорожками (тут обычно прибавляют, что по ним можно доехать до Швейцарии). По набережным бегут, едут на велосипедах и гуляют. Вдоль набережных плывут — утки, лебеди и каяки. Однажды мы с детьми полчаса наблюдали, как люди спускали каяки на воду и загружались в них. Молодые, в возрасте, девушка на инвалидной коляске. Мальчик лет двенадцати, видимо начинающий, дважды переворачивался со своим каяком. Вылезал на берег, ждал, когда лодку перевернут и выльют из нее воду. С него самого текла вода, и, хотя было начало октября (градусов 16-17), с полотенцами и сухой одеждой никто к нему не бежал.

Между Роной и Соной — живой центр с магазинами и ресторанами. Если со стороны Роны посмотреть на Сону, то на другом берегу видишь высокие холмы, на склонах которых лежит часть города. К нашим друзьям, живущим в старом центре, нужно подниматься по лестницам, а потом еще пять этажей без лифта — дом XVII века. В огромной гостиной есть небольшие антресоли. Там спали ткачи, а гостиная была местом для ткацких станков.

Еще учтите, что Сона делает изрядный вираж. В результате получается город с совершенно нетривиальным пространством. Я до сих пор не всегда ясно понимаю, на каком из берегов какой реки нахожусь в данный момент.

Я приехала в Лион с детьми, и с каждым пришлось обжить свой кусочек местной жизни. Младшая пошла по самому французскому пути. На второй день, умирая от страха, я привела ее в садик на соседней улице. Она тоже умирала от страха — в свои пять лет ни в один садик не ходила ни дня. Молодая улыбчивая воспитательница Аннелиз буквально отодрала нас друг от друга. Говорят, рыдания продолжались минут пятнадцать. Когда я пришла за ней, она была совершенно спокойна, а когда через месяц пришлось из-за температуры оставить ее дома, устроила новый рев — уже потому, что хотела в садик.

Каждое утро у входа в садик стоят две воспитательницы и каждому входящему говорят: «Бонжур!» Наверху таким же выразительным «бонжур» каждого встречает Аннелиз. Этот урок был нами усвоен к концу первой недели: каждому, каждый раз, в любой ситуации — «бонжур». Входишь ли в булочную,ходишь к кассе супермаркета, садишься в такси или спрашиваешь дорогу на улице — «бонжур, мадам, бонжур, месье».

К сожалению, это единственная часть местного этикета, которая нам доступна. Бонжуром дело не заканчивается. Французы (лучше сказать — лионцы, про остальную Францию я не знаю ничего) невероятно социальны. Уличная жизнь в Лионе наполнена интенсивным и симпатичным взаимодействием. За приветствием следует оживленная изысканная беседа с остротами. И дело не в нехватке французского, тут нужны навыки куда более глубокие. Как и о чем поговорить с продавцом сыра? Я уже никогда не научусь этому, увы. А здесь искусство small talk развито в совершенстве.

Значимая часть уличной жизни — рынки, их много, они разнообразные, они популярны. Это мне очень подходит. Я из тех, кому кусок мяса, лежащий на прилавке рынка, кажется не в пример более привлекательным, чем тот, который герметично упакован в супермаркете. В больших

магазинах меня берет тоска, а рынок воплощает для меня разнообразие жизни. Французы явно разделяют это чувство.

A Salon des vignerons indépendants — выставка независимых виноделов? Спасите, люди добрые: мы теперь за ужином выпиваем бутылку вина. Это началось так.

Добрый сосед подсказал, что в конце октября в Лионе будет важное событие — ярмарка вина. Причем в десяти минутах от нашего дома, в здании, на которое я засматривалась со второго дня нашей лионской жизни — того самого дня, когда отдала дочь в руки Аннелиз.

Под ужасающие рыдания дочери я кинулась домой, потому что следующим пунктом в расписании был сын, которого в девять утра ожидало собеседование в школе. Поскольку его французский был близок к нулю, мы решили отдать его в школу для иностранных детей, тем более что она оказалась в нашем районе — прямо около моста Confluence. Эта огромная школа была открыта, когда в Лионе начался приток иностранцев. Здесь есть классы для говорящих на японском, испанском, китайском, польском, английском. На русском нет, поэтому мы пытались попасть в класс англофонов, и сыну предстояло собеседование по английскому. Школа в Лионе очень известна. «О-ля-ля, — сказала кассирша в супермаркете, выяснив, что сын туда поступает. — Тебе там понравится».

Как мне потом объяснили, здание школы планировалось как большой вопросительный знак, но точка пришлась на болото, поэтому ее строить не стали. Сказать, что это здание странное, мало. Внутри там асфальт. Вот такходишь внутрь — а там длинный асфальтовый холл многоэтажной высоты с бетонными стенами. Вдоль этого холла галереи с кабинетами. В школе холодно зимой (сын не снимает куртки на переменах, только в некоторых классах), а летом жарко. Говорят, что школу обнесли забором, потому что время от времени оттуда выпадают окна. Видимо, это такое продолжение традиции странной архитектуры в этом районе, потому что то здание, в котором происходил Salon des vignerons indépendants...

Мы бежали со всех ног в школу на собеседование, на бегу оглядываясь на нечто невообразимое. Я не умею описывать архитектуру, так что не поленитесь погуглить — это называется Halle Tony Garnier. Гигантский ступенчатый треугольник, определить назначение которого по внешнему виду не удавалось. Гораздо больше любого храма. Слишком мало света для стадиона. Совсем непохоже по форме на театр. Могло бы быть рынком — но уж очень большое и, главное, пафосное. «Википедия» сообщает: originally a slaughterhouse. То есть там была бойня — резали и продавали коров. Это не укладывается в голове, но к тому времени, когда мне сообщили об этом на экскурсии по району, я уже мало чему удивлялась. Потому что наш район, Gerland, был главным местом деятельности Tony Garnier. Видимо, этот лионский архитектор был человеком большой энергии и харизмы. Ему удалось построить несколько кварталов разных сооружений, в том числе гигантский стадион, на окраине которого мой сын по субботам занимается пинг-понгом. Блуждая из дома в магазин, из магазина в социальный центр или в одно из зданий École normale supérieure за очередной бумажкой, время от времени утыкаешься в загадочные колонны, фонтаны, арки и прочие остатки империи Тони Гарнье. Все это стоит обветшалое, безнадежно устаревшее, обжитое наркоманами и проститутками, кое-что еще используется — но в основном сохраняется как памятник эпохе и великому человеку. Из всего бывшего великолепия наиболее живучей оказалась бывшая бойня.

Забросив сына в школу, я зависла перед удивительным треугольником. Теперь здесь проходят концерты. К сожалению, даже во двор просто так сейчас проникнуть нельзя — а безумно хотелось увидеть, как эта штука выглядит изнутри. Поэтому я очень обрадовалась, когда поняла, что можно совместить сразу два интересных события: войти на территорию павильона Тони Гарнье и посетить салон независимых виноделов.

Салон проходил четыре дня. Мы решили пойти в первый. Был четверг, около семи вечера. Когда мы подошли к зданию, нам открылась длиннейшая очередь. Она извивалась, как змея, занимая все пространство перед павильоном. Очередь заметно отличалась от разноцветного населения лионских улиц. Было видно, что это люди, для которых Salon des vignerons indépendants — часть жизни, место встречи со знакомыми и само собой разумеющийся способ закупить хорошего вина на полгода вперед. Люди стояли небольшими группами — семьями или компаниями, тихо переговариваясь и держа в руках тележки на колесиках.

Очередь прошла быстро, и мы вошли в здание. В обмен на пригласительные билеты нам выдали по стеклянному бокалу, и мы оказались в зале невиданных масштабов. Бесконечными рядами тянулись небольшие стойки, за каждой стояли два-три человека, часто супружеская пара. Над стойкой висела вывеска с названием региона, виноградника и фамилиями владельцев. Протиснувшись к случайному прилавку, мы протянули рюмки, и в каждую нам налили вина. Мы поняли, что такими темпами продержимся недолго. К следующим стойкам мы стали протягивать одну рюмку — и распивали ее уже втроем. Еще через полчаса до нас дошло, что у стоек стоит ведро, в которое вино, попробовав, выплевывают. И выливают остаток из рюмки. Там было 545 винодельческих хозяйств. Нет, мы попробовали не всё. Но мы пришли снова. Во второй раз — с тележкой. Допиваем последние бутылки и мечтаем о следующем салоне.

Младшая влилась в ряды французских детишек, средний ребенок присоединился к лионским экспатам, а старшая поначалу не вписалась. Семнадцать лет — для школы поздно (во Франции это последний год лицея, подготовка к экзаменам, и брать ее очень не хотели), для университета рано — там начинают с восемнадцати. Мы нашли какие-то способы поучиться тому-сему, но главное ее назначение в этом городе открылось неожиданно. Она стала Главным бебиситтером нашего дома.

Наш дом выходит одной стороной на небольшую улицу, а другой — в кампус *École normale supérieure*. Найти его невозможно, потому что на нем написан не тот номер, который ему положен по почтовому адресу, а тот, который обозначает его в кампусе ENS. «Почтовый» номер на доме не изображен, поскольку внешний и внутренний облик здания является интеллектуальной ответственностью архитектора, а тот номер дома не запланировал.

Кампус *École normale supérieure* — это небольшой парк. В дальнем от нас углу есть загон с баранами редкой породы. Когда мы в первый раз обнаружили их, они пришли на нас посмотреть. Выяснив, что мы можем предложить им только траву, которая растет с нашей стороны решетки, бараны развернулись и ушли навсегда. Как ни бегала моя младшая дочка со своими травинками, какие листики ни пыталась пропихивать, не помогло ничего. И только когда мы обошли загон и подошли к баранам с другой стороны, они снова сошлись — проверить, что принесли им новые посетители. На этом наши отношения были окончательно разорваны.

Через этот парк мы проходим тогда, когда идем к метро. Аккуратно обогнуть небольшие домики, где живут аспиранты (перед дверью на траве пепельница, полная окурков; в теплое время снаружи стоит зеленый столик; правее небольшой огород); дети, не кричите: здесь люди живут; немножко деревьев, высокая сухая трава с метелками — и входим в здание ENS. Здесь, в холле, над ноутбуками сидят студенты. Через холл и на улицу — через минуту ныряем в метро *Debourg*.

Мы почти что первые жильцы этого дома. Его построили специально для тех иностранных исследователей, которые приезжают работать в *Collegium de Lyon*. Здесь пятнадцать квартир. На первом этаже живет семья из Америки, семья из Китая и венгерский профессор. На втором — еще одна семья из Китая, семья из Белоруссии и молодой итальянский исследователь. На третьем — семья историка из США, молодая пара из Перу и мы. Над нами канадцы, еще итальянцы, англичане и еще итальянцы. Мы все работаем в одном офисе в десяти минутах отсюда, а наши дети ходят в одни и те же садики и школы. Да, мы со старшей дочерью уже начали сочинять роман в духе Агаты Кристи.

Внизу гостиная, где можно устраивать семинары и вечеринки, и комната со стиральной машиной, откуда мой сын однажды унес тазик с чужим бельем. Вчера в холле профессором из Канады были застигнуты три неизвестно откуда взявшихся молодых человека. На вопрос, что они тут делают, сообщили, что зашли к кузену Максиму, после чего бежали. Второй день в рассылке мы тщетно обсуждаем, что сделать для нашей безопасности. Нельзя ли, например, закрасить большую надпись *VELO* на комнате с велосипедами, которая видна снаружи. Ответ — нельзя, будут нарушены авторские права архитектора.

Профессор из Канады — политический социолог. Исследователи из Италии — два историка и один философ. Профессор из Венгрии — психолог, молодые ученые из Китая — историки, ученый из Белоруссии исследует франко-русские культурные связи в XVIII веке, а англичанин и вовсе географ, занимается реками. Еще есть экономист из Японии, он приехал позже, и на него не хватило квартир в нашем доме. Что нас всех объединяет? Разве что бебиситтер.

Через месяц расписание моей дочери было известно на две недели вперед. Английский стал идиоматичен, а в разговоре с младшей сестрой появились вкрадчивые нотки человека, который точно знает, что сказать недовольному ребенку. Через полтора месяца она посоветовала мне покупать биоморковку и готовить ее в пароварке. Я научилась держать себя в руках и почти никогда не спрашиваю, что было сегодня на обед у соседки снизу и куда отправились на ночь глядя соседи сверху.

Мы встречаемся на семинаре по понедельникам. Каждый из нас должен сделать доклад дважды — в начале сезона и в конце. Наш маленький институт создан специально для организации научного и бытового существования исследователей, которые приезжают в Лион на небольшие сроки, не больше десяти месяцев. Это лионский Institute of Advanced Studies — организация по определению междисциплинарная. Сюда можно попасть, получив стипендию от Университета Лиона, а можно, как я, от EURIAS. Но, так или иначе, все, кто работает в Коллегиуме, связаны разнообразными отношениями с Университетом Лиона.

Я была знакома с несколькими учеными из Laboratoire Dynamique du Langage (или DDL — как говорит мой начальник, во Франции любят сокращения). В ней обнаружилась очень интенсивная научная жизнь. Здесь приняты так называемые ателье — небольшие курсы семинаров по определенной теме. Зимой я вела ателье вместе с французской коллегой. Сначала мы прочитали несколько вводных лекций, а потом участники ателье, в основном аспиранты, делали доклады о своих собственных языках, пытаясь применить новые знания к своим данным. Здесь много специалистов по языкам Амазонии, но есть и те, кто исследует языки Сибири, Африки, Северной Америки. Лаборатория DDL входит в состав большого исследовательского объединения лингвистов из университета и Французской академии наук (CNRS).

Что такое Университет Лиона (Université de Lyon), понять трудно. Как нам объясняли на вечернем семинаре, который раз в месяц проходит прямо в нашем доме, несколько лет назад каким-то чудом — а точнее, титаническими политическими и организационными усилиями — удалось объединить под одним названием несколько десятков научно-учебных заведений. Университетов в Лионе было много. Во-первых, Лион-1, Лион-2 и Лион-3. Во-вторых, École normale supérieure, причем она сама является результатом слияний. Еще Католический университет Лиона, Высшая ветеринарная школа — кстати, одно из самых старых высших учебных заведений Лиона, возникшее на базе королевских конюшен. И вот в 2007 году несколько десятков организаций назвали одним именем: Университет Лиона. Свои старые имена они сохранили. Понять, как они все друг с другом соотносятся, невозможно, не стоит и пытаться.

Как нам опять-таки объяснили, слияние было связано с тем, что раздробленность и большое количество университетов с похожими названиями не позволяли создать сильный бренд. А вот теперь другое дело — президента Университета Лиона приглашают в важные дипломатические поездки вместе с мэром Лиона. А раньше кого было звать? Непонятно.

Между тем брендом в Лионе заняты серьезно. Красно-черная надпись ONLYLYON с красным львом, которую постоянно встречаешь в городе, обозначает программу развития Лиона как международного центра.

Университет Лиона вовлечен в эту программу, поэтому на Рождество нас, иностранных сотрудников университета, кормили и поили в туристическом центре на площади Bellecour. Для иностранных сотрудников здесь существует особая университетская программа, она называется Ulyss. Эта программа отвечает за то, чтобы помогать приезжающим на первых этапах: поселить, позаботиться о виде на жительство и страховке, пристроить детей. Время от времени устраиваются приемы для иностранных сотрудников и их семей. Под Новый год сотрудников с детьми позвали в театр Гиньоля — это французский Петрушка, причем считается, что Лион — его родина. Есть целая серия специальных мероприятий для spouses и partners (во Франции, кстати, очень аккуратно различают статус отношений; например, моя французская коллега называет человека, с которым живет и растит двух общих детей, исключительно partner). Благодаря этой программе некоторым удается скрасить одиночество и найти знакомых.

Главное мероприятие ONLYLYON — это, конечно, праздник огней (Fête des Lumières). Он проходит в декабре. Местные жители говорят, что еще недавно это был просто день, когда лионцы выставляли в окна свечки, а на верх горы, к собору Notre-Dame de Fourvière, шли процессии со свечами и песнопениями. Теперь это огромное событие, четырехдневное световое шоу. Нас пугали столпотворением, но мы не поверили.

Мы пошли туда в первый вечер, в четверг. Это было правильно. Еще не было страшных толп и очередей, и мы поднялись вслед за поющими людьми по узким извивающимся улочкам к собору. Сверху посмотрели на осветившиеся лазерами здания ночного Лиона. Коллеге из Китая я сказала, что нас с ней лионскими «толпами» не удивить — в московском метро в час пик хуже. В субботу мы решили сходить опять, и вот тут оказалось, что с толпами в Лионе все в порядке. На несколько часов мы потеряли свободу: нас носило по улицам потоками людей, время от времени вымывая на места зрелищ. Когда на place des Cordeliers на нас, стиснутых людьми, с двух сторон полетел огромный летательный прибор, младшая дочь закрыла глаза, заткнула уши и спряталась в папу.

Но главная ставка ONLYLYON — это все-таки не Fête des Lumières.

Много лет назад мы с моей подругой, которая жила в Париже, жаловались друг другу, что во Франции нет всяких местных сувениров вроде каргопольских полканов или дагестанских деревянных изделий из Унцукуля. Здесь я поняла: региональное во Франции воплотилось в гастрономии. В столовой, где мы обедаем с коллегами в понедельник, на стене висит карта региона Rhône-Alpes, раскрашенная цветными пятнами. Каждое пятно — местный деликатес: розовый чеснок из городка Billom, индейка из Jaligny, ravioli из местности Dauphiné. Наберите в Google Images прилагательное lyonnais, лионский. Вы не увидите местных соборов. Вы увидите лионскую картошку, колбаски и пирог с красной карамелью.

Лион, как здесь принято говорить, гастрономическая столица Франции. В 2018 году на территории старого госпиталя начнет работать Cité internationale de la gastronomie — гигантская площадка с ресторанами, кулинарными школами, музеями и магазинами еды. Пора подавать на новый грант...

Информационное издание

Другие города

Руководитель проекта и составитель

Мария Юдкевич

Литературный редактор

Юлия Иванова

Интервью

Владимир Селиверстов

Любовь Борусяк

Дизайн, иллюстрации и верстка

Аглая Демиденко

Корректор

Ольга Першукевич

Благодарим за помощь в создании книги

Олега Воскобойникова и Марию Привалову

Подписано в печать 28.09.2017. Формат 60×90/8

Гарнитура Proxima nova. Усл. печ. л. 60,0. Уч.-изд. л. 42,2

Тираж 2000 экз.

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: + 7 (495) 771 32-53

e-mail: cinst@hse.ru